

ପ୍ରୟୋଗ
ମାତ୍ରାଳି
ଧୂପ

И Ф И Г Е Н И Я въ А В Л И Д ъ

ТРАГЕДИЯ РАСИНА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХъ.

переводъ М. Апакова.

Слава въѣздъ російскому
Богомольцю

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Типографии Правительствующаго Сената

1815 года.

ПЕРСВІ

84

84(ЧФРД)

825.433.1

Род

Ф

Печатать Позволется:

Съ знать, чтобы до заседания до запуска иль
Типографіи представлено было въ Сенатскую Кан-
целярію Министру Политікъ Трагеди пакъ эк-
земпляръ, для пропропаганды сихъ по сей уз-
женій зуда съдузинъ. Саратовъ, за Ап-
рель иый года.

Е.Л.

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЬИ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

ЕКАТЕРИНЪ ПАВЛОВНЪ

Всегодружеское приветствие

Переводчика.

И Ф И Г Е Н І Я

ВЪ

А В Л И ДЪ

ДѢЙСТВУЮЩАЯ ЛИЦА.

АГАМЕНОНЪ.

АХИЛЛЪ.

УЛИССЪ.

ПЛАНЧИМЕСТРЪ, зем. Агамемнона.

ИФИГЕНАІЯ, дочь Агамемнона.

ЭРИФИЛА, дочь Клеопы и Тана.

АРКАСЪ

ИРИДАТЬ На короне Агамемнона.

ЭРНІА, прислужница Клеопатры.

АОРИА, прислужница Эуфракия.

СТРАЖА.

Дѣйствія происходять въ Азії, въ окрестяхъ Агамемнона.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛІВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

АГАМЕМНОНЪ. АРКАСЪ.

Агамемнонъ.

Твой Царь Агамемнонъ изъ той... Аркасъ,
Чайкона! Познаніе: Погоня, похвѣтъ сей гласъ, чѣмъ слухъ твой
Поразитъ.

Аркасъ.

Се твой Гогуадъ! Тебадъ, вѣнь рано ари,
Прелестнаго багрянаго парю?
Будь архъ разрѣзной вѣнь съяніиъ твоимъ
ночи,
Въ Авалѣ вѣнь съяніиъ диверсіиъ пачи сти.
Или дрезиній Попытъ подобенъ тебога?
Или жадиній звѣрь хитрості паружа?
Но все же на буйвола сѣкъ и звѣрь и съяніе и
змолни.

Агамемнонъ.

Съяніиъ, судьбѣ спасенію доводный,
Было же злѣніе, вѣнь я, величествиъ съяніе
И гарантъ же беззастѣснѣнія предроню багрянъ.

Ариада.

Даниэль, Георгий, чьи роки на судьбу?

Остань посещеными, имели ли причину
Неправой жизни бессмертных разражать,
Их предрасположенность, недавно сущими?
Андрей ющий синь, синец, суиррея престо-
лений,

Изъ земли Балады спрыгни шонг пучайши венок,
Венчанина изъ шей течень бисса пройти,
Ты Фракии утвердила сюда изъ богами пройти,
И юной сей Аурель, кумира твоего прорицала,
Анидия, зону лаза изобримость въ бране,
Либаций дочь шонго, сказавши подъ Трою теть,
Чтобъ братскии племени изъ сибиря изъ пан-
джея.

Твой зондия выгнана, ять потесни надмъгни,
Бросить сихъ съ архангелъ бытия икрунъ ли
сражениемъ?

Сий зондия судьбы извадиши за него ходить—
Речеши — и заснуши за галю Царе Царей,
Ко, побудиши путь зажечи подвигими чародѣи:
Успехий ть пучакъ обозръ подъ панини галакии,
Въ землебитий Надой сиси тебъ прескы,
Но то сданъ и ты звать — ради тиа човѣкъ,
Въ плены днѣй пынки, судебей, всегда пре-
мѣнной,

Удѣлъ твой не данъ есть скорбей свободеной,
~~и~~... Но и сюль пынки днѣй угрожающи
рой.

И изъ очей твоихъ саси испаревши твои?
Орестъ ли жиль свою изъ младенческихъ пог-
ибъ,

Суиррея ли живъ, изъ доть изъ панадея?
Что же земь материню, драму ли вопроситъ?

А г а м и м о нъ.

Шить, шить, мы не учрени; сено же можемъ
быть.

А г а м и м о нъ.

Что речь твоя, Государь?

А г а м и м о нъ.

Ты прими же скученіе,
Подай пину его, пожалѣ же круженье.
Ты помнишь день Ариады, когда попутный вѣль
Въ спаскѣ грозу бывъ, вѣлько, привѣтливо;
Когда вонъ радостныхъ, геройскихъ подземель
зарядъ,

Пергаму угрожаю рукою и пожаромъ.
Нашимъ днамъ пророка сей посторъ;
Но не простиши насъ виновъ посторъ;
Мы смили у бровъ; и зевъ, берлогами
Напрасно пытали подводные моря боязни.
Синъ существо поражено, склону фланги трухъ,
Гдѣ смуртии сихъ спятъ курти, сї физионъ.
Такъ, съ кудрями Непорочъ, Упокоянь, Мер
недолъ,

Принесъ версту сї, на милицъ прѣлониши,
Не чиѣ имъ пророка! Сидрогъ и, Ариада,
Когда си сага ямы вспомнила Каждыи;
Вонце ви на Троицъ, о Троицъ, очищении,
И тишиной ли изъ нихъ пахота враждой,
Доволъ Царства краю отъ пахоты Елены,
Лианко жеребенка не обагрить синей.
Люль юдино блаженство ли ублажить хлопши,
Ладъ Иофастю на версту привезши...;

Аркасъ.

О любо! дать живо?

Агаким иль.

Силь таласъ изразъ,

Хадъ во сирѣнѣ окунуть, болтушечъ, изу-
млень,

Безмолвіе пребыть я, по горюю гладь
Прервалъ мертвое изящинаго молчанье,
Винѣ спиртній розъ, и онь не вине словъ,
Кажды у алтаря преблуждаю болезнь.
Потно луниному же сиденью зиждено?
Я зойску позади обранихъ изъвращеніемъ.
Улицъ, възлово мнѣ, вонъ одбрить рѣчи;
Но первымъ поклонъ съблю даѣ промѣнѣ,
И красноречіемъ обитицѣ ухищреній,
Прелестнѣй саку мнѣ, аспику, даѣтъ сла-
щесный,

Царикъ, Царей, кѣль възосъ зрученіемъ надъ
собой.

И Грекамъ Альѣ обѣзжану судьбой.

Такъ, розъ сакъ, постыдивъ для дщери Грековъ
онамъ,

Бесславной Цари пригласъ со срѣмкою изъ изразъ
могіямъ?

Съ сподѣлью и приютомъ, сей алтай сокланѣ,
И сака своего възмѣтѣнъ рѣшишъ,

Навзаніемъ Цари Царей и извѣржатѣ,
И онь широколицъ изъ душъ моихъ развалилъ.

Бескмериемъ^{зелуду} жопъ, яхъ уорубаскіи бѣлъ,
Когда легкій сонъ на мнѣ жопъ и скопы

прерогъ.

Оспиціи алтаря, плачныя изъ превѣтствіи,
Изжаласъ пакши жопъ, яхъ жару опражни;

И троимъ мозгопечкамъ обарокъ жадъ глядѣй,
Грекамъ пакети ударъ жопъ розовой.

И успокоил богинь, Уаносонь убийденный,
И двери смерть нарезъ, солнце брошенный.
Но въсъ сидѣніе на то изрекшую чары?
Къ какому пленнику быть должна приближъ?
Царской израспялъ, отъ имени Ахиллѣ,
На Мадемъ въ пирадъ, чтобы дать сюда спасеніе;
Что костию во зришъ сей гравый вонъ гора,
Несетъ въ землю палачище опь брачнія озары.

APPENDIX

И из спрятавшихся^{*} под строительную Ахмад[†]
Бросься, чтобы звать оттуда его на помощь
Спешишь за честь свою, торгуяще любовь?
Нам допустить сию возлюбленной линь-жрецъ?
И гибелью прорвешься за умродь воспоминаний...

卷之三

Онъ не былъ далъ. Повѣй, конецъ его, статевый
Владимѣръ въ яму по-свѣтилишиль прасть,
Ты помнишь, сколько же онъ сихъ братовъ.
Сей шахъвой земной, Ардашъ, помадѣ же земной;
Онъ былъ, лишь изъ узда къ тренчину изпра-
шенно.

Но бурый тоже жажда преградъ не разбрать!
Ахилъ на брань земли и даръ побѣды
жажда!

И некий сей герой, предшествуя колоколу,
Втереть наль арабиль сашь съ печерного ларса,
Но руку узло сплющить вращающийся колесо
Дочь пылая, спряталась на балкону смерти свою,
Сей горький участок себѣ не представляется—
И блаженство, можетъ быть, ошиа благословленіе,
Дочь, дочь моя . . . Уши ! не измѣнъ и не пропасть,
Не красна ли кружевная юношеская любовь.

Сверблю о ласкать я, о нынешнии плачной,
О сградѣ плаченою, о престолѣ плачной.
О чудесной, съ якою земли спреклась чистыя,
И как обещалъ я дущие награды.
Нынѣ, иши, же рѣю я, чтобы ты, праведныи божи,
Къ плачной земли сей подвигъ быши строги:
Оразумѣши хощь жена дина испытать,
И ябы проклутіемъ быль, изрекучъ его свершенье.
Архась, будь пакиши тайна моихъ краинъ
 вѣрны;

Яви усерае земль другъ недающиѣй:
Царицеи Сварой ти за реюостию награждены,
И ския землии на испытаніи подвигни.
Прози посланіе,汝 любимою материю,
И посвѣтишъ пучежъ. Наконецъ испросиши.
Любъ вспомниши, воспомни съя сърешиши
 жъ сей,
И сия же пруги Царинъ скиптикъ сей.
По зѣрнаго земли землии съ тобою:
Боль вспомнишъ дочь моя во Аладдінѣ скипъ
 могю.
Сверблю плачною сей. Надремлюющій Каласъ,
Прозрѣши земль супоръ и пласть, впунитъ не-
бесный гласть.
И озари на насъ покръмъ радуженіемъ,
Усардъмъ рѣбахъ душъ сдѣлъ будущъ супоръ-
 принимъ.
И гордость господиъ ужъ отропошихъ людей,
Крамольство дышущихъ, алающиъ честей,
Бизаргашъ, можешь бысть, изъ руки моихъ
 правдѣю....
Онь слабости отца дай дочери спасенье.
Но запораженъ буде яль разносчи сильней
Брѣговъ плачною сей тайной рокової.
Сокрой онь дочери, обезпокъ склонившей,

Сей сокровищ присягарь, здесъ чистъ универсальный;

Онъ пожалѣлъ младенца и съѣхъ земли спасъ
И рѣка приспособилъ съѣхъ скипетромъ посланъ.
Чтобъ обратить въ лоть и матери откорблену,
Предлагочъ я беру Ахиллову пальму;
Что пынъ, сколь изящна любовь и гардъ,
Сей братъ оставилъ за времи звѣстъ.
Приблизъ къ тому, что сей холдингъ Ахилла,
Всюю плащаница плоды Эрифилы.

Что иль иль Лебедя была превращена
И въ Аргусъ къ матери мои члосады.
О притомъ ужали; съ дыхъ тускъ упакать. —
Уль солнечки души чистъ скипетромъ фарингъ.
И камни иной шумъ; ильри, Сты, спремно!
Се шестипутъ Ахилль, о батъ, съ земли Уапса!

И ВАЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

АГАМЕННОНЪ, АХИЛЛЬ, УЛИССЪ.

Ахилль, мажионъ.

Кляй, Государъ, ученье войны неизроятный
Всекрайтъ твой ускорилъ во столь Ахиллы
Ратный!
Се опять доблесть Ахилла юныхъ здѣсь!
Клякъ твой добръ мечъ на бранахъ не по-
жинай!

И подъ фессалии пачтаюся украшения
И Лебедя спрата оружию покоренна,
Продолжаю на здѣсь пещи иного дни,
Ахиллу же прядлю — забыны что одни.

Ахилль.

Но чьи сюзь сдобыть дать, Агрида, хладой
стопы лестницей;
Останься укрыться коГреции гибель побеженою,
На склоне покрите пучину иже разрытою;—
Тогда бы сей храмъ достопочни былъ Ахилль.
Но вѣртишь мозгъ, искацевъ по граду,
Агрида ть душу мечь сладчайшую отраду.
Насъ Ифигенія ть Ахилль и наайду?
И спасибою ѿсвѣти сюзь смерти къ Греции?—
Гласитъ, что дачь шелъ ть сей ратный гонецъ
Ибрисъ съ счастиемъ Ахилль съединится?

Агамемнонъ.

Какъ! Ифигенія! Но вѣно разнесъ сей саузъ?

Ахилль.

Должно-ли, Государъ, скончанъ сіе твой духъ?

Агамемнонъ (Бѣллесер.)

Но смерть сюзь моя, любо, умиленье?

Улиссъ.

Правдано, Государь, Агрида изумление.

О бѣдника Греции ти, Ахилль, не поможи—
лайтъ!

Какіе дни, уши! для брата ти избралъ!
Тогда, какъ корабльъ алановъра пучина,
Беантина и поздней и Грецы судьбина;
Тогда, какъ чтобъ склонить разгневанныхъ бо-

говъ,
Насъ должно крою проанить, склонившую
крою —

Ахилль, один Ахилль любил своей послушнице!
И хочетъ, къ обличью унынию разводушенъ,
Чтобы венецъ Царей, превратъ галъ греческий
Богомъша,
Угостивъ царя для брачна торжества.
Ахилль, Государь, при Грековъ учасъ
Сакану,
Волеши твою Финь, чини родину любезну?

А Т И Л Ь.

Дѣла, злакуя въ срѣдѣ Фригій полей,
Кто болѣ чистъ се, Ахилль, или Одиссей.
Долгой моякии ты валишъ свое въ ней рабынѣ,
И воспомянъ къ боямъ ревновъ идолы.
Сиреникъ пропою воротъ иль Кракы обагрять
И изъ упрѣбъ подъздѣю сюдѣ рокъ предузна-
ешь;
Безвѣнія зижу шапкай оны же зижъ вѣсти,
Но я, подажду въ трою вѣловитки на Кизилъ,
Да посышу отвѣтъ, чтобы брацъ свой успо-
рить,
Которимъ я не менъ блаженниихъ раздраниши.
Сий грековъ брачный жаръ, которимъ плаче-
нію,
И тъ сей обратно стать притти же увеселію.
Но въ воспорѣть, когдаѣ менъ вино уродило,
И изъ Троадскій брегъ не жерной я попутши.

А Т А И К И И Ф И ЧЪ.

Почто героянъ синъ, а гейдния судьбина,
Вы преградили путь въ Фригійскія долины?
На підъ отважности ти ніхъ и рвные орѣль за-
бой,
Чтобы извѣршишика заплатъ съ блаженникої
душой?

Участие.

Что сказуя я?

Ахилл.

Что разы идти не научился?

Агамемнон.

Такъ, надавить, Царя, лишьъ въ дни поспра-
шивъся,

Такъ, мы обманчай наложай проклятия,
Напрасно штата жадъ, житий содѣши.
Самъ Дій хранишъ Троянъ, и грозно предречено
Противъ спрятанъ въсе на преступовъ
жизнь.

Ахилл.

Калою губъ любить грозить бледно замъ?

Агамемнон.

Объ упакъ сией мы вспроси иль сажъ.
Мы знаемъ, что боязъ перехватъ рѣщенье
Спрятанъ въ штой талой Царяна разрушенъ;
Но знать мы и то, что громкихъ днъ штой,
Мысль судъ наложилъ лишь предъдѣлий гробовой;
Что иной жить никъ отвѣтствъ, долгодушна;
Умнѣть въ сиѣ лбъ подъ Троей пребыванія.

Ахилл.

И такъ непрѣстаемъ Царей проклятый сажъ,
Отидеть въ родину, на вѣкъ покрыть стыдомъ?
И даросонный Паридъ, спрасти буйную юности,
Удержать, не заиски, супругу Менелая?

Агамемнон.

Въ юдо, вѣдущий насъ учрежданія Ахилла,
За оскорбленику честь Грековъ спасеніи?

Совсемъ Альбоса, чюбоу разхищени,
Бѣлова шумна либъ до пынъ изумленія.
Пергамъ ѿръзъ зирко вылаштилъ донесъ,
И нерукъ зѣтрами зевоми предъ вѣланъ.
Клена зевая Фригіанъ сѣть винокъ,
Что въ Аргосъ ты посадъ, пленяюща тебю.
Венера, Афина, она, винца свой родъ шаманъ!
Сей пынъ измѣнилъ ея подъвѣтный подъ.
Молчанье самое и хандое движенье,
Вѣланъ зевъ ти зырокъ рожденъ.

Ахиллъ.

Нѣсть, жить, не засою и изброщелестинъ
словъ,
И не хочу званихъ во глинѣстахъ боясь.
Какъ! жицъ угрозъ зевать нахлѣстахъ содро-
ганиемъ
И срамъ изъ скѣль за мной паркетъ устраиваться?
Такъ, житери мои да Пара предрекла,
Какъ сгорѣшаго она ти доне зеведа,
Что заспенъ я избрать иль много лѣть боя-
зливыхъ,
Иль мало-дней, хвалой блажертиѣ юничайшихъ;
Но срамъ постыдна предъ тинъ гробовой,
Изѣла, сечиа бронзяя блазнитой пыгашой
И кромъ дорожа бѣзаки вѣликой,
Въ дому родительскомъ жданъ спирою боя-
зливой!
Онь срамъ уклонись, иль постыдъ не гремѣть.
Начину зевъ зеванихъ и въ все умеренъ?
Преславанъ зважданіи препятства новой-
можки;
Коль зевъ зеветь — объ пашъ сракуль ѿпрѣ-
должній!

Всесильна силасть богоя, висить свершитъ на
змѣй ахъ,

По сюза, Государъ, ть рукахъ у насъ сиаъ,
Бытько же проницанъ труда отпакъ ищеи-
тиъ,

Помощиъ, какъ они, содѣлько блестящимъ.
И выгрохъ будбашъ, буда мы болеимиъ,
Гдѣ ладыя лѣжатъ уподобиши имъ.
Подъ Трою и идти чисты и прорекли,
О таинъ ирии богоя, чтобы вѣръ запущенай
дѣлъ.

И вѣдь, итъ одному граду должны бы осаждать,
Съ Патрополемъ я охотъ походу за путь отыскать.
Но здѣсь, всевластный Фениксъ пружаетъ
Трою,

Покорный небесамъ, смиряясь предъ любовъ.
Не перебуду, чтобы мы сънчаль чюю любовъ,
Иногущую жена сиаъ сиаъ богоя.
Слава любовъ, можъ съ таинъ сприятии сиаъ,
Веданть итъ первому стоянъ на бой кроткой;
Они гибельныхъ тебѣ сиаъ оставятъ удрученъ,
Что рабыя сердца дрожаютъ подавлены.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

А ГАМЕНОНЪ, УАНССЪ.

Уансоффъ.

Ты зриши, сколь ни былько та жемчугъ драго-
ценно,

Лежитъ въ Пергамъ его рѣчиюстъ непремѣнна,
Справдіямы мы любви отъ, а дно съ сиаъ сиаъ
На обѣихъ на себѣ дасъ сиаъ другъ на мъ.

А Т А Н А С И О ВЪ.

Уши!

Уши сю.

Вадмасить имъ, чюлько оиречный?
Иль рончень, колю-бесмертныхъ удрученый?
Могла ли ночь одна пять дуть шилюбаты?
Могла ли усна любовь пять разъ съ образомъ?
Писалъ Ульсона илестиному сюжету:
Ты деревни обицать, и по зему обицать
Богъдаурий Кахась, со звукомъ земи обицать,

Попущенъ Грекъ гнуку къ Широку предъ
рекъ.

Не зряъ события любви предсказывъ,
Иль живъ, онъ не прервать никоимъ начинанья?
И чтобы предъ Грекомъ свою полуночную
съесть,

Пожелалъ бы быть та обманъ уличинъ?
И буйной ей зарь, чтобы раздраженнъ,
Не спать бы хотеть этой из-снега същенны?
Бросилъ Государя, кримпаканъ поводъ дашъ
Иль ревностиъ боязнь прятки шеба возводитъ?
Не молчи, лаконъ, кобринъ глять призванный
Подижесть звукъ Царей во Колхескіи долина?
Не имъ ли по градамъ пять камня воглавиадъ,
Что въ Спарте велѣ въ пять Еланъ раскинадъ,
Когда суперника имъ звѣ башъ Менелай,
Желали бы брата испумпить, любовью къ земи
имѣли;

И что бы угодно ей отрасло, было ужичинъ,
Супротивъ права велѣсь мы защищать?
Становиль бы подъ сенью земи дарованъ нынѣ,
Всюль гвардии срамъ обить дѣлать смиренъ,
Но вѣдьмы, чюе твои разумна наше любовь,

1907

Начал съ бременемъ погружать въ сонъ.
Твой отъ милыхъ ложь изъ драго боядиси,
Твоя злая чадъ забытъ имъ лишили.
Когда же сонъ всталъ, собравшись тъ силь
и вѣчна.

Делаетъ ищныхъ отъ тъ оскрѣпшихъ стаи.
Когда же Греція, прокатъ твои вѣлики,
Вознѣгла на силь твои дѣлки и вѣлики;
Когда Царя, изъ твоихъ припѣшіе служили,
Громы изъ твои всю кровь свою пролить;—
Однъ Агамемнонъ побѣди убѣжъ,
И германъ малой быть възмѣти не дерзать,
Но, еще роботио имъ первыѣ знаменитъ,
На то пристъ воли, чтобы обратить въ
вопль!

А ТАКОЖЕ ФАТЬ.

Умѣстъ, это скорбю, какъ я, не удрученный,
Ты же смири душъ язвы подъ рокомъ изъ
своей;

Но хотѣлъ бы въ болѣти вѣковъ бѣль Тедескъ,
Коль иной бы ты угорѣлъ и бѣдной смири срамъ,
Бѣ иной бы видѣлъ синь душъ твои смущилъ
И гордѣй рѣчи сіи изъ плаче горкѣй превозжалъ.
Почувствовалъ бы ты скорбь сердца моего
И киржанъ кинулъ бы изъ руки убѣти это!
Свершила сквозной обѣтъ я сердце привезло,
И колъ предвѣщаніе лотъ — багровъ изворотъ
воли;

Не колъ угодно имъ погибнуть опасни,
И удержать ее изъ Никеватъ, коль въ пущи;
Да вѣлагу тогда и промѣль сей чудесной,
Къ землиносправдующей чисты благослови же
своей!

И да пройму покровъ для дочери моей
Благого божества, вскружившего о мѣй.
Твоимъ сокровищемъ я смирилъ не виновъ,
Смилился —

ДѢЯНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

АГАМЕМНОНЪ; УЛИССЪ, ЗЕРНЕВАТЪ.

Эгина тѣ.

Гоударъ —

Агамемнонъ.

Ахъ! чье тщо здѣшнѣ?

Эгина тѣ.

Царица, зловѣ и отрекнію упредитъ,
Сдѣшишъ Царю Глоріи лотъ изѣну возвращенія.
Возлюбленный наше тѣ нощи съ дороги склонилъся,
Во мракомъсии лѣстъ шкоды суть гдѣсь
скрылася;

Объятіе кругомъ глубокой темниной,
Мы путь свой обрѣли съ Аирорю златой.

Агамемнонъ.

О любъ!

Эгильль.

Съ ними състанъ выступаешь Эрифала,
Шакнешь рукою могучаго Ахилла;
Чтобъ тайну знатиши судьбы своей поднять,
Она съ сей градъ привела съ Кладасомъ-старшимъ.
Онъ израѣтилъ весь станъ твой позоренный,
И храбръ весь сонъ, сей язвыно-восточный
—

А больше ликовъ Царевны красоты.
О спаситель иль мольбы поклонить на небесахъ.
Одни — съ почтениемъ Царяку окружавши.
Другие — землю вену брыздали иль жаловали;
Но купро вѣкъ, чудясь величии твоей,
Глядяши, что икъ тебѣ очистъскій иль Царей,
Ихъ дочери твой предестинѣй, совершилъ,
И изѣлѣши карь икъ отца тебѣ благопрій.

Агамемнонъ.

Довольно, Эрибанъ, бояться теперь меня,
Мди — и оба земль пшарки буду я.

ЛВЛЕНІЕ ПЛТОК.

АГАМЕМНОНЪ, УЛІССЪ,

Агамемнонъ.

О небо! яхъ зростанъ по мнъ ожесточены,
Ты разрушашъ изъ нихъ болподныи ухищренны!
Умъ! когда бы я могъ средь блдешыхъ сечь,

Слажди облегчить группы сердца моего.
Часть горькая Царей! Порфирий облеченный,
Рабы молчи людской, рабы судьбина гиблой,
Мы спорь свою должны сии глядь людий пашни,
И быть иниционный вольнъ, вольнъ несуще садамъ

Yanob.

Апрель, и сеть синий и пасхомы жгите
Не чуда скорь тиши, целиши ее уши.
И лютое злые вейте жбась,
Генова ся любой прозмы горзайтесь ший.

Но горе отъ излишнѣй заботъ бывъ облегчено?—
Невидимой рукойъ изъ чистыя жарина приходишь.
Уже Калласъ уходитъ, уже по храму идешь,
И избѣгать болотъ за лѣтскими пределами.
Теперь, шишки сгорбки одолѣши на свободѣ,
Пролей поизки сдѣлай и дай: отдай природѣ,
Вспомнишь шишки, вонзлашь; иль лучше духъ
себра.

Градиць літніх хвалу немалочию предстоять
Придніські воли Гедесхонію подъ воглеми ви-
пливай.

И гордъ Ильинъ по памяти горицій;
Народъ его изъ царства, Прѣма зри у ногъ,
Тебѣ спасеніе Есени при воспорѣ,
Дра корабли сюи и коньъ несхищенныхъ,
Образно звѣрины ть Алану приносимыхъ,
И пастки радостны и гонимъ ть предместьяхъ,
И славу дѣлъ ливныхъ грядущую въ шахъ.

ARMANDO

Промахнулся бояринъ, и злово, изругъ западный;

Невидимъ утишитъ сми зонетъ власки.
Предстану съ зеркалою немодлико предъ
твою:

Иле я поколи да заселитъ Клахсти;
И тайку сокривши спасобину уласку,
Они храма удалии дай малоръ вѣстасину.

Конецъ первого лѣстнаго.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЭФИФИА, ДОРНДА.

Эфифия.

Дорнда, сиротка, пущь радость есть герцога
Найдутъ ея обетыши супруга и сыщи
Дадуть синий цветокъ изъ южныхъ лесовъ,
Всеморгашъ саддимишь же, можъ паханъ изъ
Лицкій.

Дорнда.

Царевна, умоли пешть слой душа
И охлы гордѣю хладной сонца.
И вѣнъ, иль прѣстолъ изъ скрипѣй твой по-
стиной,

Иниь радостнамъ наступи для паханки умѣй.
Но во громные часы, вѣль къ чудомъ берегашъ
За побѣдившемъ вѣнъ мы по волнамъ.
Какъ къ чудомъ корабль, рабынѣ болотныхъ,
Ты зрилъ проѣзъ себѣ Ахиллъ кронояднаго.
Не ѿшлико греческо жъ то время ты была,
Не сплюко гордѣю пальцы зеленой своей лиха.
Теперь же очи синий. Въ Царевинъ добровѣрной
Ты друга обрѣла и зинъ изъ напастей шверасѣ?
Съ искрѣ горестнѣйшими, какъ къ кроне костопреѣ.
Могла же и въ Троя зажигъ ты утаски палей?
Уэрланъ Альандскій брать золотиша герцога,
Още исподнялся и ты сей брать уэрланъ.
Но ровно, листо не поспѣло я,
Усугубавшися вѣднинно скорбь твоей.

Эризил.

Ты хочешь, чтобы я, чтобы грустна Эризил?
Съ плодами душой ико радиши дышла?
Могу ли скорбь ико из седь сердцъ ущачить?
И спасибо другихъ бѣльяница спасиши?
Бро, Ифигея! Атаманюкъ ахахашъ,
Мать гордая свою изъ пей разуть подглазки
А я, въ землю ить, добыча иныхъ бѣлья,
Руками чужими покоризиши си зумыть линь,
Съ земли коры, какъ обицашъ для империи раз-

ривать,

Удивленъ житвери ни разъ не искладился.
Не здравъ ико я, и въ горю ико миру
Жреческъ приказиши изъ землянки ому;
Когдаевъ спряталась познать ико зорей чрезъ
змѣйской,
Гласиши, чмо зорень ико соприкаса съ твоей
подглазкой.

Дориль.

Нынѣ, земль покоризиши се не пропадай,
И о судьбѣ своей съ Калласомъ смотрай.
Довольствиши чмо и нико предсказывай:
Познавши суть ико примеръ ти вѣданье,
Всѧкъ за суть ико наугуба, розяща землю,
И вить, бѣлья мояница, смерть, спириница
жизни ти.
Тебѣ суть ико земль познанье премѣници.

Эризил.

Всѧкъ земль, а чмо земль до земль пакетомъ.
Спидиши пророчъ, погибшій ико сонъ,
Презрѣвши проиницая судьбу свою изъ конца.

Ахъ! изъ Троя, оль вѣдьши, куды мы поспѣшили,
Любо бы царевниной короной украсили
На єщепель воинства и славы и честей.
Призвали бы края во ѹикъ славнѣшихъ изъ
Царей.

Уже сей славный градъ к драмѣтъ смотрѣлъ:
Рокъ изъ Лебедей изъ низъ привелъ смотрѣти
Ахилла.

Все паде подъ его аргуннѣальнымъ мечомъ
И въ извѣржении бѣзъ чукинъ искатьши цицеръ,
Покинула въ цѣпяхъ. Оти земѣ подземы лѣстни-
зинъ,

Оти сана Царевна, оль земѣ судьбы очак-
авшей,

Рабинъ Грецовъ, эже чомаючи одѣ-
дина гордости зоркии пой, оль земѣ рожденія.

Ахиллъ.

Сплюшили ти пень потерю шепетралку,
Правильшой гибелью изъ убѣди проковадку.
Но изъ града сихъ Кадамъ воевѣдомъ грекинъ;
Ему уши, побѣсъ бесконечнинъ открыты
Онь фебочъ вѣтнѣльни, судбинъ предрѣсанъ
И все проишшее и будущее видятъ.
Шанованъ оль него родимелей сюзъ,
И только сей браннѣй сашъ защищнѣсть
шановъ.

Коль бракъ обединитъ съ Царевною Ахилла,
Сперу аркнку найденъ изъ неї Эрифилъ.
Царева изъ помы вливши и влакши исполненіи
доказъ
Любови Ахилла изъ неї — гени ѿрпий изъ земи
заслугъ.

Эгизил.

Что скажешь, мальчик, пройдя все прочее ми-
чанье?

Сей бракъ изъ яко троихъ исключитъ
страдальцемъ?

Доридъ.

Что скажу я!

Эгизил.

Тебѣ должно это изумить,
Что скорбь мою никто не можетъ облегчить:
Виноватъ и содрогнись. То мало, что я плачю,
Бесправна, спраниша, судьбою угнетена;
Сей безпощадный бичъ Азбосейка спрятанъ,
Кто пынь на него заложилъ руки окровав-
ленной,

Когда хотели мой отецъ и съ пакистью спа-
шенней,

Что скажетъ сколь запутанное пить —
Но скверниахъ пейте мои любезныя очи!

Доридъ.

Ахъ! что же перекликается?

Эгизил.

И любопытно, что подумалъ
Созреть на всегда теперь ей и страданье;
Но скорбь изъ труда пакистъ въ болѣ не могла:
Чтобы жить молчать, теперь пакистшу пакистъ.
Не спраниши такой надеждой обольстилась
И за погубъ свой Ахиллея къ пакистамъ.

Притворной жалости видъ тому не чту,
Съ которой съ напрѣдъ на скорбну сирину.
Такъ, нѣбо съ радоснью на скорбъ вѣче напрасна
И помыть яко бы отрада въ уношаніи.
Вспомниши грозный днъ, да второї часъ

Ахиллъ

Однъ възакимъ цѣльныхъ обремененъ?
Въ рукахъ листового, пинкено и колющея,
Тонилась долго я, памерина, согречена:
По маку мракъ извѣзъ, сокъ прогодѣлъ дневной.
Вѣсому ери себѣ зорькою рукой.
Пампредала я, и съ ужасомъ зорь зрокъ,
Согранила зорь чело свирѣпаго зрокъ.
Всюдѣ же корабль, килия Ахиллъ, свой позора
И съ страшною силью зето и оскрицали изорь.
Всакую — избрѣлъ нечестъ, всакоъ выразилъ
глубокий

И памерили ушиахъ изрекущихъ упрѣки.
Невѣжко въ нему любовью увлеклась,
И исполнить любить, сѣдѣхъ вспахась.
Томлюся юноши прекраснаго при виде,
Любила въ Любовь, люблю же въ Ахиллѣ!
Всюдѣ Ахиллъ дочь даетъ жѣлъ твоей покровъ,
Всюдѣ ставлюсь жѣлъ и дружбу и любовь:
Чернощадъ мене и речишки вѣнимо!
И руку помоши же то не отвергаю,
Чтобы удобно путь къ браку преградить
И съдовиной своей соперницѣ отвѣшить.

Дорида.

Царевитъ, ласканныхъ имъ беззлодное мечтюю,
Но лучше было бы съ вспрѣмъ шансюю,
Въ Малакахъ дни зеди, мужчий убѣгатъ
И погубную страшку изъ сердца изобрѣшти?

Элегия.

Смиралась я. Но сколь ни пленко меч, злобной
девицей, злой арбет улье соперничь бывалой,
И покорялся исправленный судакамъ;
Глазъ тайный зажегъ меня изъ Аланской лес-
регии.

Выши мечты, зажигъ склонъ присудившись
спасибо.

Шуть въ очахъ програду сердцъ заслонъ
страганнымъ;

Выши мечты, зажигавшись въ очахъ лес-
ной,

Дланями огнемъ зажигаютъ собой.

Всъ чимъ зажигъ и, въ единъ спра-
данъ.

Позади, кому должна отоуда переселиться ро-
денье.

Нынъ душни, буки съ носомъ жребий мой рѣ-
жутъ.

Когда соперничесъ былъ, птице улье зажигъ за-
ливши.

Уху, Ариада, нынъ сакату ружью
Жизнь злыхъ штурмовъ, свой склонъ въ моряхъ
зарю,

Пространъ засекиши родительской синихъ.

О! сколь любовь мой орамид пакить иль!

Догада.

Нашеди жребий живой; но зажигъ склонъ и
спасибо....

Элегия.

Се Ифигения; се мой про Агамемнона.

ЛВДЕНИЕ ВТОРОЕ.

АГАМЕННОНЪ, ИФИГЕНИЯ

Ифигения.

Куда, родимый мой, спрятавшись гнездышъ?
Ужъ открыть лохъ объятой ти лишишъ?
Почто я зри шея задумчива, уныла?
Восторгъ матери предъ синъ я терпунши;
Могула я свою чреду тебѣ вспоминать.
И радость предъ шею оставалася ли малы?

Агамемнонъ,

Приди въ объятія, преди мое рожданье!

Ифигения

Твой сладкій гласъ пролилъ жаль та сердце
утѣшенье!
О! сколь роизбѣ, чь твой бражой спиротъ,
Ны величъ, чь юности юношеско видѣть житї!
Сколь драгъ юной лти, сколь падетъ твой
священникъ,
Малаго трепетъ била къ извѣщенію;
Но та поэзія, блесткій днесъ владиму зри Царей,
Могу ли извѣстить восторгъ духа твоего!
Либелью Греція торжъ та тебѣ спанишо
Ахи! сколь я очарована, рожденная тобою!

Агамемнонъ,

Почто не рождена спасительнишъ опасень?

Ифигения.

Иль спасень, Государь, окучашъ ти эпіонъ?
Кого рука бессъ щедре заливала?
Въ признаніельныхъ слаяхъ и иль благодарила.

Агакинова.

Убийственную звезду, о любя, милье первы?

И физика.

Размель, спошьшиши, гопсом съевши шить;
На дочь бросаешь взоръ умный и скучинный;
Коль волна изъ твоей оспинки Маженъ?

Агакинова.

Любовь моя въ тебѣ и дочь рабно спасла,
Не пренебрежь все, вѣща и временіа;
Сердечнаго радости дади спасаній отрада.

И физика.

Забудь сей скроенный драгъ, любя душобеса! —
Поль бренчать забыть, зеленью воль ярись,
Уже въ единъ змѣи же съевши быши ощущай! —
Царину вонючу зла аринъ передъ собою,
Передъ всемъ всегда пыльца и тебѣю;
И сбѣдя съ подложнѣй твоей позоръ,
Простыникоша и шалько миль любовь!
Что склонитъ, охъ любя и хладна и умна? —
Умна жарисномъ подглядой съ поясомъ!
Иль радости илъ чай зиозъ и раздѣлень?

Агакинова.

Ахъ! дочь моя! . . .

И физика.

Сплю —

Агакинова.

Нынъ, силь илъ доспѣнь.

И фригия.

Шагишие зраги, рушимые заною!

А гаммоно и.

Иль гибель будешь знать гордайшихъ озъ волко-

И фригия.

Помщатся боги дни родимыя хранили!

А гаммоно и.

Прогонялиши боязнь не въ силахъ л смигнить.

И фригия.

Калась гоняниши да въ бескрайните пра-
тишень?

А гаммоно и.

Да укромишися иль ко иль обессмыслись!

И фригия.

Но скорѣ ли отъ сокрушень?

А гаммоно и.

Скорѣ чинъ хоту.

И фригия.

И въ итогъ ильбашъ таисъ сердца превозбу!

Обрадъ сей ильноя орлы сечь ильской очист-
леной?

А гаммоно и.

О горе!

И фригия.

Ты молчиши, и ходъ и взоръ илюдной....

А гаммоно и.

Ты будешь знать, прости,

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ИФИГЕНІЯ, ЭРИФИЛА, ДОРИДА.

Ифигенія.

Что значитъ сей приездъ?
Ахъ! въ сердцѣ разлилась грусть пылая искра:
Трепещутъ грудь моя, почтой же вспоминаю
Всѧ, боясь, лишене, о юношѣ умалю!

Эрифилѣ.

Какъ! заблоченный отецъ тебѣ нанѣ
Холодность вѣкульца душъ въ тебѣ унашъ!
Унынѣ юношиятъ въ штилье обсуждения,
Но, во величье они родителѣ дивния!
Къ повторой, можешь бывть, раздѣлять въ самой
тасъ
Не разу же вспомнилъ ласкательный искъ глазъ.
Когда любовь свою родителѣ отвергнешь,
Мать вѣчнаго къ тебѣ обратится просириашъ;
И еслими мы должны жить фальсъ и флербѣ,
Какихъ любовниковъ сажать не можемъ въ отверстъ!

Ифигенія.

Не спорю, слезъ можетъ, прекрасна Эрифилѣ,
Потому изуступи любовь ко мнѣ Ахиллѣ:
И блага дать ею, мой долъ, родитель, отрада,
Надѣя Ифигеній дающи ему въ тощѣ.
Но не должна я съ нимъ врѣзиниться въ скопинъскій
Любовникъ, срѣди меня горѣній неизрѣваемъ,
Кого юноши не могутъ схватить отъ сихъ бретонъ,
Къ тому душка въ родителѣ на земли
Сокращать ли радостными сиданьями часы?
Поморги раздѣлки, веселася упинься?

А я, прибываю из сию спасительный брега,
Какъ иль маленький пиль прелестнаго очага,
Всегдъ его ждала, изоръ рабыя проспирал,
Чело геройское изъ костярет артилъ чешулъ!
Душа моя поглощъ во срѣтеніе его,
Искала и ждала Ахилла одного!

Ужъ иль Ахилль я — и все по про Ахилла!
Съ костяргою зась пыши зародъ паружалъ,
Одна Ахилль не дадъ. Въ смущеніи своемъ
Справился мой отецъ въ помолчаніи съ ночи.
Гдѣ же сокъ чмо дѣлаетъ? — Найду ли, безог-
нрадна,

Подобно отцу, любопытна я гладилъ
Уже ли морепо иль вспомнили про рѣвъ,
Погналъ изъ сердца и отвѣстъ и любовъ? . . .
Нашъ, изорбакъ и начинаніе сии Ахилла,
Но я же геройскій огнь изъ листа изъ сданъ подъ-
гладилъ?

Къ Еленѣ изъ Спарти съ любови не пышаль,
Еланій — лавить сконъ Тихидру не даваль;
И страшнай въ бракѣ пожал, покинуть за Мен-
недзъ

Нель Трою съ летицъ — чмъ только уловлю;
За подсоки сконъ не требуючи натратъ?
Одной жѣ жалитъ Фемія — вонъ изоръ его
оградъ!

Я В Л Е Н И Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

КЛІТЕМНЕСТРА, ИФИГЕНИЯ, ЭРІФІ-
ЛА, ДОРНІДА.

КЛІТЕМНЕСТРА.

О дочь! измѣденно очища уединенъ
И теснъ свою спасенье сворѣ устремилъ

Теперь и не думай, что скорбеть и плакать,
Аграсъ, испорченъ настъ, былъ въ думу погруженъ.
Сиротка подвергнута дочь покорному онклю,
Недавъ спрятавшися да памъ съ посвадиеніемъ
Аргасу.

Аркадъ, будаючи тѣ пушки, иль же пистоли,
И мій письмо его вручила въ сей фазы жизни.
Спасиши, о дочь моя, честь нашу испорблению.
Позналъ Ахиллъ ти любихъ тѣхъ преступу.
Преберегли бракъ, чимъ могъ гарднитъ бъ онъ,
Дарашъ спасагъ, чимъ пакъ подъ Ильону.

Отигла.

Что смыту!

Кантамира.

Спала шои даична покрыванія
Да благородная насть торжества укрѣпленіе.
Неблагодарнаго въ Микенахъ синъ рѣчаетъ,
Сама представила его пивонъ отчизы.
Со героями сражавшися, богини рожденіиши,
Мой спрятаніе душъ искалъ роднитъ бывше обѣщаніе.

Но въсѧ сей доблестный, хвалимый сей Ахилль
Санджину бѣко крамъ памѣтной посвадиеніи;
Такъ покордилъ же ми, о дочь, синъ род-
дитель.

И спомниши сину, не гибнъ, не изогрѣнъ.
Всунуть ли имъ сину подлецъ скончи,
Чимъ испорблена еще пылаша памъ?
Прервать, прорвать синъ или иной скло-
нишися.

Съ синъ ужъ изѣцъ отецъ твой скорбенъ.
Ахиллесона къ памѣткамъ велу:
Къ покордну скорбку гоняши все иду.

(Эрифил)

Да зами съльзовать твои по приданому:
Въ принесшемъ тебѣ здесь усадь осинами.
Все замысли эти пренеслиши я могла:
Шель, не въ Каджару ли въ Алииду прибѣла.

И ВЛЕНИЕ ПЛТОЕ.

ИФИГЕНИЯ, ЭРИФИЛА, ДОРНДА.

И фтигата.

Какъ звѣнь мой путь, о боги, раздавай!
Ахналь-сторочна брамъ Ахналь-ианъ-пойманный
Поруганной — сюзъ звѣнь мий довою рѣткани,
И не съ Каллакомъ имъ отрекнись създателъ!

Эрифилъ.

На покинуть одновъ твоихъ; тогда мысль исчад...

И фтигата.

Ты попадаешь ико, всегдашъ жаждать хотѣла.
Супруга лишина и Гейлано судьбой,
Въ сей скорби буду ли покинута тебѣ?
Въ Миленахъ боль меня имъ могла оспыться,
Захотеть ли со мной въ Алиидъ имъ разговаривать?

Эрифилъ.

Калласа вопросить мий должно ф судьбы.

И фтигата.

Но чѣмъ пренеслиши жъ-жандринъ тебѣ?

Эрифил.

Царю же Аргонъ путь мечтать направляю... .

И фантаз.

Мгновенье иногда планы много открываешь.
Но прильбю люби престолу умчанья:
Брою яко же, а чьи не сильна и мечтами.
Ахадъ... . Оньядъ мой архъ душъ сильнъ
желанъ!

Эрифил.

Кто! яъ изъвѣршиль силь штия подорвалъ?
Возможенъ иль падашъ Ахадъ да падъ
бено.
Чей тронъ таудъ гладъ мечтаниемъ моимъ;
Кто съ паденіемъ въ рукахъ, и обагренный
кровью,
Въ прахъ лябъстъ претратитъ.—

И фантаз.

Гарина изъ мену любими!

И узломъ съ, извердяще твой,
И кровъ, прятавъ спирѣю руки,
И Асбогъ сей и попъ и труни и жигилъ,
Сунъ скурѣшъ, дои грудъ тряслишъ Эрифилъ.
И вѣтво чубъ ожомъ и паканъ испребилишъ,
Ты наследиши чинъ о жезль мѣй говорашъ.
Какъ часто вѣбъ винна принуждена,
Потъ помноля штои я зѣла склоненіи;
Но вѣтву, съ можъ спадкную отѣй,
Я налагай именъ же добротъ своей.
Ты любими! — Небеса! какое сближеніе
Но жетъ яъ ощертицъ рождо созадна?

Болушкинъ югодахъ и Аргону тѣ твои памяти
И избранные покрѣпъ сіи обѣрати!
Всѧкъ террасинъ мое! всѧкъ террасинъ Царевъ
Ахилль! ахилль!

Сама я у твоей паскуой влагомица!
Прети же, чимъ ты любиъ яко нынѣ подѣя,
Что сердца спросили твой и лживы;
Но чимъ оны гдѣсь можуть сбыть твуную жал-
ду.

Не упрѣдишь меня, тѣль Аргота пущина
Къ неблагодарному, чимъ огражданной боясь,
Дѣствовала, могу ли сей юношаъ просятъ?

Эуноха.

Сильъ оскорбившия я съзѣмъ не скинулъ;
Я имъ винить еще до злого не премогла:
И боги, конде, губъя на мѣръ напечатаны,
По сей щадли дѣло мой сдѣлъ съзѣмъ искъ.
Но дажды изыдица любовника оспирблены.
Слезы, какаго же жалора упрѣдѣль?
Возможность, чимъ явлю прервание красоту,
Ахилль могъ предпочтеть болезнью спро-
шу,

Меня, разрону ти чюнь только рожъ изоб-
личитъ,
Что звѣстие она горитъ изъ земли одиссеево-
житъ.

Илигена.

Ахъ! террасинуешь ты! и въ лживости своей
Ты вѣденья раскрыть болѣнь души моей.
И злую чашу свою съ твоей рѣки сѣней,
Ты вѣдливъсѧ своей побѣдою извѣдай.
Но рано террасинуешь духъ покинутъ твой!
Зришь, смири сей Амриль, поруганный тебѣ —

Всюль двадцатицарей, вергнаный поколенческъ,
Она любими дочь свою, она пътной мѣтѣ ро-
дницеъ.

Она сердцеъ пострадасть изъ дочеринческихъ сан-
жинъ,

При иль съе вешихъ и прошепталъ ей:
Уми! и хладосинъ иго по постингала,
Иъ жадебаъ своихъ кинуть его дразда!

Я ВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

АХИЛЛЬ, ФЕНІГНІК, ЭГІФІЛА, ДОГІДА.

Ахилль.

Тебѣ ли, Царевна, зри! это же спась тебѣ при-
несъ?

Ни звонку, ни вешихъ я воротъ не хотѣла.
Ты Ахилль земъ не чио привозілъ виномъ!
Почему же не била Царь согласъ съ сей зем-
ной?

Фенігник.

Спокойствъ, Государи; разой напрасный страхъ:
Не долго будуть орбать юни на сихъ брагахъ.

Я ВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

АХИЛЛЬ, ЭГІФІЛА, ДОГІДА.

Ахилль.

Не силь ли? не мечтала? моя ли убѣглины?
Солицкая икона иль душу раздирала.

Не знаю, ищешь ли ты благихъ душъ,
Церезинъ, даю узрѣть Ахилла предъ тобой;
Не сечь же и огра сокрушилъ мы молчаніемъ,
Коль сакъ синъ изъ пѣнишъ бывъ данишиъ
вздыханіемъ;
Ты знаешь, что воло тъ Ахиллесъ въ бро-
гахъ,

Ты знаешь

Эрифилъ.

Государь, ужъ не знаешь сакъ?
Не имъ я сакъ братаго любови писалъ,
Нынъ увериль прѣдъ твоимъ Трою писалъ?

Ахиллъ.

Онѣжинъ отъ сакъ синъ вѣдѣшиль
стѣрѣть,
Съ потекомъ гематиной пистра и крабицъ въ
стѣрѣть.

Эрифилъ.

Коль? изъ писаніемъ писать ужъ рука Ахилла
Ахиллесъ руки не писалъ?
Коль? Ты Церезиной патеній красочкой

Ахиллъ.

Такъ, Ифигея! вѣдѣши твой душодѣ
И остыли бо Цара тъ икона велопечь фога-
сиси,
Давно бы тъ Аргосъ къ пошорогамъ на твой
стремянокъ;
Но отъ меня быгунъ. Вѣчнъ писать предъ икои?
Вспѣрѣло венду здѣсь прѣдѣбывать михъ людей.
Предъ синъ Калласъ артия, Улисса, Менелай
Они, коварныхъ блонъ пополи разнотай,

И я Ифигении любить мою живу,
Ось брака созданием спаслишь меня.
Кто же здешним прямолинеем скривленъ?
Надъ посвященнымъ жити я блузами деревенскими
Нашла, жалку не сей же чистъ спасительный наск
Агрисъ!

ДѢЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ЭРИФИЛА, ДОГИДА.

Эрифилѣ.

О боги гибель! где спрятъ я сей спаситель!
Любима, гордая! и живиши я роскошны!
Мыль существо спасенье твою и пылкое по-
рушишъ?

Наша, жаль; но — мыль как ослажденіемъ глазъ,
Мыль падъ глазами изъ обкрадтохъ грозъ.
Не изъерди чистотъ же, зрячъ зево Эрифилѣ,
Обманьтъся дочь, жалкая ось Агнисъ.
Агнисъ умъ. Почтиши мой духъ спорбимъ?
И злая судьба ской гибель съ вами соединится,
Не дозвъ исторже-справить спаситель поджигающей,
Чтобъ не передать однажды и умереть спасител-
ной.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

АГАМЕМНОНЪ, КЛІТЕМНЕСТРА.

Клітемнѣстра.

Такъ, удалишь мы; уже мой прокий тихъ
Иль спаси волы моя, памятника просорбъ,
Свалившись съя стыдъ отринулъ и мъ та-
Миланъ.

Но сей Ахіаль, мою отъядость изумленіемъ,
Поспѣшилъ насть донести, иъ избралъ убѣдитель
И живопись богою та спаси волы моя.
Не оправдаться брахъ, но ускорить жалъ,
Собѣнить изъ тебѣ, дубель и сиѣтъ изъ душевинакъ,
Таковъ поизнанъ несправедливый слухъ
И лжепрілична сокрушилъ пролежавій душъ.
Гластій, о Государь, мое недовѣріе.

Агамемнонъ.

Царница, праведно Ахіала убѣдилъ.
И познано обманъ, которому удавалось
И радостъ твоей, ёзоль можно, возненави,
Ты хотеть бысть радостю съ Ахіаломъ из-
раженна:
Да будешь изъ фантаріи провождена Царница,
Съ Клакасомъ иду съ. Но пребуде уловстой
Сладчина, Царница, слухъ напалъ сокрушилъ моя.
Зримъ, доля свою куда и мы приведа съ себозъ:
Иль братиша здѣсь торжество, по давленію
всѣхъ войнокъ.
Сей мужчій, ратный сокиль и воинъ греческій
сокиль
И коньми пашарѣ обставленимъ кружкомъ.

Все брачно вранье, достойное Ахилла,
Не помехи, чтобы сей проказник им починил;
И гордый Грецъ не имелъ свою Царицу ари,
Не следъ бы то имъ изборъ величію Цара.
Прежде сей мой сподиъ, и опуститъ Цареву
Въ храмъ брачный бѣзъ себѣ жажды прѣвозданія.

Кантакинота.

Куды! куды, май дольтъ свою рабынью поручикъ!
И мной начинаго самой по докторицамъ!
Въ сей градъ не звала, бросила и вспомнилась —
И хотела, чтобы и въ Авалъ съ ней разместилась!
Михаилъ далъ шеши быть алтаря сподиъ?
Кемъ подадите ее въ супругу, коль же насты?
Кто устроитъ обрядъ склонившій Гамлетъ?

Агамемнонъ.

Не изъ пинчикахъ хранилась жестящаго Амера,
Не изъ франчомъ складъ имъ —

Кантакинота.

Гдѣ же изъ привыкъ рукиъ,
Гдѣ подадили ари Царей на Греческихъ судахъ,
Гдѣ ты и венецъ к Царю и вложилъ Ахилла,
Гдѣ изнурено жена смыть нареченья Фетиды.
Какой бы склонъ яхъ трамъ, какой ладью черного
Вознесицахъ бѣлье мое величье могъ?

Агамемнонъ.

Для чисты бояти, склонись на убийство
И удалий клинъ сіе май склоницъ.

Кантакинота.

Для чисты бояти, склони малый май:
Для ордина отпимъ женихъ вложившій сей,
Благодѣй же чистиъ себѣ же избрѣденіемъ.

Around the World

Я бодримъ сѧтъ тебѧ дивнаго уваженія.
Когда же тебѧ склонитъ беднинъ гольмъ чай,
Когда же дѣствующъ прошенье наль тебѣ—
Царина, мы вѣдѣ, чего и ожидаемъ;
Теперь речу щогръ, што рѣкъ повелѣши,
Шапоречиуй.

THE JEWISH BROTHERS

卷之三

Небеса! да чистъ сей даръ Апракса
Съ такою увѣроюю, какъ не вѣрь иной пра-
вилъ?

Мы санкты палгорах, мыль чистой приобретень
И подсолнечную соль лишь пресновать отыскать?
Мах рабий власичах, вонжель за склонами
Природа.

Сестру Ланы здесь вести не смеешь ли?
Почто скрываешься чист? И праведное ли дно,
Чтобъ ли си погоръ кое чисто врастися?
Не хочешь силь — и иль помыслы сглаживай съ

О доля! умьтешь и очистишь чюонъ!
Ахилль мой будешь силь! несокрушимъ грудъ.
Ихъ супругой ты! — Но отъ силь силь не избавъ.

И В Л Е Н И Е Т Р Е Т И Е .

АХИЛЛЬ, КАНТЕМИСТРА

Ахилль.

Благоприятно все веданью моея у
Амрида я уерьзай, все объяснишь ему.
Ось первыи май, и рать мою первыиа,
Супругомъ дочери парень меня добылъ.
Какихъ, Царица, ты шантой моя отрады!
Како сасоніе тво пружасли по сти грады!
Соглашалъ жеба я моя, оракуль предсказашъ,
Что Грекомъ они троицъ чюдъ съ богами приви-

рятъ,

Что звигре в Ненкуну погибъ Трои насть,
Коль вредно жертвованной май убийствъ Калиль.
Узъ Греки на судахъ звиграли разинаніе,
Усе съ зевсомътъ май к Погрому обрананіе.
Хотя помчъ бы я предречашъ пебесь,
Коль званику бъ преданъ благовещанъ Зевисъ;
Хотя болезненно разокланялъ май съ братьми,
Ездѣ брачный плачанико вложу предъ фами-

риими;

Могу ли разнѣемъ геройскимъ не лягти
Троянкой краинъ узъ родника запечатлѧти,
И изъ шепель погребши сюнь Трои сквер-
ноизъмъ.

Благослови жить съ мною сбоднитиши.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

АХИЛЛЬ, КЛИМЕНСТРА, ИФИГЕНИЯ
ЭРИФИЛА.

Ахилль.

О друг Амридана, проплыть величайшой чашь.
Ко брачнымъ олимпамъ возвратъ родителейъ наше,
Преди и успори мой крохѣй предаданіемъ.

Ифигенія.

Помолди, Государы, спрятать образъ священнейшій.
Плаколь, о матерь, мій синъ предстань долъ.

(Ахилль.)

Все, мало тебѣ, любви синей златы.
Ты видѣла юную, несчастную Царевну,
Всегда на чистѣ и проницаемъ ярила душевну.
Скималица скажи же осужденье ея.
Сию сасю венчаніемъ твоимъ блеснила сей
шансъ.

И я — какъ юная мій разумъ отрекла,
Блестящую прядь сини убревомъ оспорила!
О синевѣ жетростъ скору сей шансъ;
Нагадишь и могла предъ мій вину мою!
Не проѣхъ грязью оградъ, не изъ синихъ буд-
дить болѣ.

Часъ скорбу грезѣшши въ чистой единой златѣ
Она раба шансъ: но жажды желания,
Сладкіи соки съ руки и радости возвращеніи
Самое благословенное патки сей день блаженный,
Продай съ свободою скраду скорбейшій.
Но, чисто предъ олимпомъ предстану я съ Царевнъ,
Кто синевѣ не одинъ пружинитъ искрѣ,
Кто сини гиблую другихъ не извѣршитъ?
Сасю венчаніемъ лазъ побѣдный уступающъ;

И благопорядок троиць дарул сиромъ,
По именъ подобианъ праведнѣйшии боязнь!

Эринала.

Такъ, Государь, смигъ лютѣйшаго мученикъ.
Тобою же Любовь поклонъ и падиши:
Да чистъ же даекъ земли правъ, ожесточеннъ
И новой скорбью житъ сеяще раздражанъ.

Ахилль.

Твой?

Эринала.

Такъ, Государь; краихъ о венъ молчаний,
Что венчать же гордоти менъ болееть спрадильи;
Коль склонъ аркы же венчалихъ простиравши
Себя,
Физической житъ удали гостиней венъ,
Твердиль съ Фадимахъ адъи, очистивши гро-
зницъ,
Ото сонъ грознаго силь, отвергнисъ гор-
гриль,
И чистъ умствъ — сеть утратъ дамни,
Которымъ же прѣдъ падиши ощущъ менъ
Оправа.
Они скора писате, оны стока удаленной,
Назывъ спрадильи, шоско удуручиши,
Сокрыти душевну болъ и хребтъ горскій супъ,
Котораго лишь чашъ открыла предъ тобой.

Ахилль.

Словей умный духъ, яди же сайдъ ли илми?
Твой хребтъ прѣятъ вѣсъ Громъ преди
очами.
Да сей желанный десъ блаженства иного,
Свободы будешь десъ и очища юробъ.

ПВАЛЕНИЕ ПЛТОЕ.

КАНТЕМНСТРА, АХИЛЬ, ЭРНФИЛД,
АРКАСЬ, ЭГИНА, ДОРИДА.

Ахиль.

Убо обрада честь, Царица, наступиши,
Царь Ифигея! съ Калхасомъ быводиши;
И здешъ во приволье, как луна, о Ахиль,
Принесъ молитвъ, чтобъ ты Царенку защи-
тила.

Ахиль.

Что говоришь, Аркасъ?

КАНТЕМНСТРА.

Кровь наливай!

Ахиль.

Ахиль, иль твой единъ и зря же спасешь?

Ахиль.

Спасенье! — Онь вого?

Ахиль.

Михъ должно излечить.

Я тайну, сколько могъ, старался охранить;
Но уговорки воль, огнь первозданный дышитъ;
Пусты на груду мою зелъ тибель обратилъ,
Сперрою —

КАНТЕМНСТРА.

Трапезду.... ф-боги! объяснишъ

Аркасъ.

Ахиль.

Ктобъ ни былъ онь, вѣрой же спасиши.

Ахилль.

Ты матери, мы супруги хранили же Царевну! Бросившись опустивши ее на Амриду гавану.

Клитемнестра.

Ональ спрашивала: name?

Ахилль.

Кого, Ахилль, спасши?

Ахилль.

Ональ здешь у однокровной сестры приводила.

Ахилль.

Она!

Клитемнестра.

Дочь!

Ионгеста.

Родившая моя!

Фригия.

Какая звать отрадна!

Ахилль.

Что скривило улы Амрида крононадра? Отъ спрятавшейся сей могуща не цепенитъ!

Ахилль.

Дай жебо изъ ящери сей обманъ иск сей упрекъ!

Калласъ изрекъ сие оразумъ воинъ;

Ональ Гречану подстрекла иное привидение.

Бессмертные, храмъ Парнда и Пергамъ,

Единой сей цепи дали же беду наимъ.

Клитемнестра.

Нель боги храни сей изважней колизданъ!

Ионгеста.

Вы чрезъ, побоса, жили живописи въ отчизданъ?

К А И Т К И Н О Т Е Р А.

Я не дивлюсь теперь упорности Царя,
Съ которой избранный иск бить у пахара.

И ФЕДИЛЫ.

Вотъ бракъ желанный искъ съ посланиемъ
уничтоженъ!

А ГИАСА.

Сей бракъ бить вымощенъ Амурда уничтожи-
тию.

Безакомѣть сей обманъ хотъ Греческихъ под-
дакъ.

К А И Т К И Н О Т Е Р А.

Такъ искъ, о Государъ, ужасъ на землю про-
тиреши.

А ГИАСА.

Царница!

К А И Т К И Н О Т Е Р А.

Ахъ! забудь искъ шансовъ потешенье!

Начинши искъ изгнанію уничтожь.

Счастливъ, воль волею воленію искъ и
Искъ можешьъ бить смысль упасъ къ жестокъ
шансы.

Невонту, поблесъ, покинни Азмада!

Въ сей мысли олдостной я лотарь извѣржена.
Къ тебѣ склоняясь искъ на порибельный сей

градъ.

И искъ троимъ съ искъ сердце искъ воленіе!
Свирѣпыхъ ли боговъ искъ бить неземной вертной,
Омыла искъ самара, упасъ на аѣму морской? Нѣко! — Государъ, искъ тебѣ съ искъ земля по-
кровъ,

Супруга и жена и друга и богата.

Въ чистъ искъ и скорбъ думъ искъ чистъ:
Супругу искъ, о дочь, искъ вырадо.

(Ахилл.)

Молю, пребуди здесь, бреги мои эти дщеры
Козиреку сию предовану и тепорь.
Не выдергивать слезъ, не выдергать упрековъ;
Другою варшавы пускъ жрецъ искушъ Греции!
Когда же не возможу спасти я жить свою,
Шутъ предъ, дать жея, пронзить грудь мою.

А В Л Е Н И Е Ш К С Т О Е.
ИФИГЕНИЯ, АХИЛЛЬ.

(Ахилль.)

Всемогущъ я. Она чистъ сердце порвала.
Милая, чистъ макушка по гланитъ ли Ахилла !
Но ари у жаль скончъ рукиную макушку.
Царевна же твою себя уничтожи !
Клянъ, посрамись меня недолгими мольбами,
На волости привлечись сюдѣи имена словесы !
Кончай, когда же житъ, тобою дорожишь ?
Такъ, можно ли мене надежду возлеши ?
Плоругаю я одинъ, я живлю свою
Ручался за тебя же по предану вѣдѹю.
Но драгоценный мой гибель я смыть ли укоропу ?
Нынъ, жалъ спаси ты, пойду и фатомицу,
И ликомѣй вѣчну козирекъ ухищренъ,
Дерзнушиес шантанъ житъ лично оскорблени.

(Ифигения.)

Ахилль, остановись, вижди моиѣ моей.

(Ахилль.)

Какъ посланикъ житъ преданъ? съеть сей?
Ось принъ, чио и нау отвѣтишъ за Менелай,

Онь знаетъ, что поздней избранные упреждая,
Нарекъ его Царемъ надъ соколью всѧ Царей;
Въ награду же всѣхъ трудовъ и ревности моей,
Въ награду подвиговъ, въ награду при прошлой,
Гдѣ отважившися онь и возмочивъ гданою,
Доволеній иметъ супруга иного.
Не требовалъ Ахилль никаке начто.

А онь, а сей Амридъ жестокий и злоприимъ,
Безжалостный отецъ и другъ побѣдителей,
То мало, что забыть и друзью и любью,
Жакъ аркти ведашъ свою душающую кровь;
Нить, брасъ имиадомъ въ разрывѣ поруканъ,
Они лежатъ, чиѣль въ сми неѣ долъ на сар-
гавицѣ?

Чтобъ изогнать тобъ Калласовъ рукой,
Чтобъ изъсто юниха я быль убийца твой?
Какой прошлый бракъ не силь сродъ бы свер-
гнись,

Когда единъ дитя въ поэзіи воспрашивася.
Какъ! жердь лжетъ отца, въ сей смиль чиѣль,
Ахиллъ творческъ звать устыдна твої глаши;
Всегданиѣ бы менъ пронѣшная упала,
И чиѣль жигъ словъ убийцу счищала!
Нить, кустъ въ хоругви сень и въ пылью
заспенъ.

Всѧ Греции предъ лицами Амрида какъ даски
отойдти.

Супруга своего колъ держася въ чисткѣ,
Долна согласна быть съ сей прошдною юникою,
Да злобный сей, жигъ злоподѣлъ покорбнъ,
Познаекъ, чиѣль дерутъ онь и ми изогнанъ.

И фригия.

Ахъ соколи! Государь, любина къ тебою,
Когда не прервашъ ми чистинной изъмбашъ,

Теперь любовь свою якъ должна доказать.
Желавшій сей, кого спремънѣиши зарань,
Сей врагъ смертливый твой, сей варваръ, сей
Губитель,
Понимаи, Государь, понимаи — ждѣ родиной!

А х и а з.

Родина! — изъть; изъять воспоминаніе вско чго,
И изъ лица изъ земы зре — убийцу шлаго.

И ф и с и м о в.

Отецъ синъ, Государь, сердце мое чисто!
Отецъ, съ чаденіемъ моею гданиемъ любящій
Сынъ любитъ честъ меня, и до минуты сей
Дать якъ якъ изъчестъ изъчестъ спасъ.
Почтительностию моя робъ та изъчестъ, яко
Я скрутился отъзывъ сокрушенья;
И жаль, миъзъ честъ изъчестъ спасъ,
Одобрить погубивъ изъчестъ злого? —
На щѣния твое, Ахамъ, чистъ бывъ съгасной?
Папиръ, чистъ долгъ бывъ, якъ я, изъбъ
Справедли.

Чтобы обидныхъ твой зареканіи спасъ,
Которыми при якъ то понесеніи честь.
Тыль же чистъ, чистъ сей Амриль, честокий,
Болощадный,
Былъ дочери своей убийца кровожадный?
Онику ли крою злой же дорожни? —
И жаль, якъ спасъ, миъзъ бы съдъ губъ?
И юръ якъ спасъ, винути виноватъ,
Шаканъ виноватъ, но виноватъ оправданъ?
Ахъ! чистъ долгъ якъ речиша ударить.
И юръ якъ юръ бывъ доказъ сокрушенья

Ахилл.

Какъ! смерть грозить твой минутой роковой,
И ты непрекратна блажнье сей одиноч!
Злодай, (какъ иначе нарою ого отца?)
Давасть кровь свою пролить рукой жреца,
И лютости его любовь предпринимать—
И жалость къ одному убийцѣ обрести?
О немъ болезнуть, о немъ скорбить смири,
О немъ злить слезы дышать! Смирился дикий
житель!

Со злодъ горечьюю! Такъ спросилъ Ахилл
За чюю любовь его, не больше ли любви?
— Да, — отвѣтилъ Ахилл.

Нестрѣнъ.

Ты да смиришися, жестокой, тъ сей любви?
Она въ груди моей, она въ кроткѣ гривѣ.
Ты искать смысль, тъ якою смиришися душою
ничию?

О скрипъ я зналъ, сущитъ рокъ гибелью,
И не боялся я. Но чѣмъ я вѣръ по земѣ
Сидѣшиши друже мій жутчительныи трясъ,
Когда, склонивъ неправильную извѣрзъся,
Иль присоедини гардъ скрипъ смирился?
Каждъ же успѣши помочь укоренить слово,
Виновній изъ земли и скрипъки и баголь!
Ах! еслибы я зналъ, чѣмъ любовь сей

страданій,
Весь миръ казалось бы мѣхъ пустынно ужасной.
Но жѣбо, можетъ баголь, тъ воспоминаніи словъ,
Благодатной участи доказуешь мій!
Узнѣ любовиа сердце, я мечталъ,
Что счастіемъ своимъ лежа скрипѣши преграды!

Ахилль.

Дев'ять склонь определенье твое ложное, падай
къ галош!

ДЕЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

АХИЛЛЬ, КАПТЕННЕСТА, ИФИГЕНІЯ.

Клѣтъмъ юстъра.

Погибъ все теперь, вѣлько спасенья имъ несть,
Опь зборъ моего Царя раба убѣгъши
И къ олимпю мъ нучъ бѣнску преграждасты.
Такъ заминалъ, разсчитывъши яже,
Мъвъ разговарыши вѣдъ, вѣдъ вѣльзанъ
мои.

Ось крестъ. Мой стопъ твой устремляется.

Ахилль.

Такъ заступниши твои мѣй, дать поспѣласть,
Ахилль удиши съ, Ахилль досыпъ сказашъ.

Ифигенія.

О матери!..., Бодударъ!..., Справиша въ помехъ
бѣзъ!

Ахилль.

Простыхъ помыслъ честна заправо землимо;
Всегда ли съ первою сражанью мъ щобомъ?

Клѣтъмъ юстъра.

Что хотеть твои сказашъ?

И вихрь.

Для имена боять,
О матери, удерни разгневану любовь;
Ахъ! Страшною ею оня наугубка спреклоняй;
Сперваюсь угрозъ это, спрямлюсь оже смиренай;
Ахъ! Ахъ! Ахъ! Ахъ! Ахъ!
Якоу. Государь, ты неотку вспомнишь,
А жай смира смири, величесь надеши.
Амриданъ, юдзюнь и гордость и начинъ;
Сперваюсь угрозъ постыль съ волы боя-
вленъ.
Шефъ, непреклонный надзевашь врагъ,
Онь оня приходитъ сюжъ, ахъ! смиришь же
тъ пимъ,
Ударить плать насторгъ тощко ударченый;
Ахъ! Чюкъ запретиши, любши, зиушеный,
И сакъ упредиши и скорби вонъ гасъ,
Роднися смиришь, молнишь и шиль для востъ.

Ахъ! Ахъ.

Ты виновъ, я сюже чюкъ волакую обиду:
Смиреный смиришь вонъ Амриду:
Попритеся ударамъ и зраужиши его,
Для насть и для меня, а болѣ для него.
Но премъ ширку и боязливо и начинъ,
Не речи разгочитъ, ко дѣствованію жай долни.
Доля не упрекъ жай, могу и предвѣтишъ.
И вонъ жай, зонъ, леколь и по прошанку жить,
Не дамъ сперзти боязъ непреклонного гласа:
Справуда си юркий оправуда Балхасъ.

Конецъ твойко дѣствага.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ІВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЭФІФІЛА, ДОРІДА.

Доріда.

Ты ли Ифигея винесла судьбы?
Всъ сей день она умерла, и въ сей ли день твой
Чинши жаркую сокровища отворить тебе спаси-
тельный?

Эфіфіла.

Мечто не можетъ быть рѣской истины пределъ,
Ничто въ изгода, иль думъ изрѣзанной сей.
Толь сильной ликости не поиступило къ тебѣ.
Издѣлца тщетнаго! погибель хощедлика!
Шапъ не арѣла иже Агелла покрушила?
И арѣла и ушла съ разверзанной душой.....
Сей отрадный изъ бракаъ вождь, сей греческий
весь герой,

Кто слава прѣодолѣлъ и вилости чуждался,
Кто съ иль паденіи ище иль злить овешился,
Кто, если бы ѿрати иже преданіемъ арѣдовъ,
Погибъ крою смирился ингрозъ, да иль —
Впервые да посъ болезни поборолъ,
При тебѣ воспрепомнилъ, при пифии прославленъ,
И воспрадилаши ты! Клясть бы съ иль побѣсъ
И злъе не преодолѣлъ, чтобъ быть виной сихъ
такъ,
Коль смириши бы, да иль съя, чрезъ часъ въ бли-
жайшіи днѣи.....
Но же умереть она же ищущо уничтожа.

Ютия, поражение же пренадлежи и ногам.
На смертной бледности Ахиллова чада
Она бледнела сопротивы и пресеченья печали.
Уаринь, что смертью ей из ямы бого угрожал,

Чтобъ усугубить мей и отца и матери.
И съ поражением воспести Царскии драконъ
Что дланью для ней, склони грязь очами.
Сокрушенья смерть се, сужденною блогами,
Безжалостъ ирецъ, юни костеры творущи.
Она пекъ умашъ, кто въ первыу обратитъ,
Весь спасъ изъ конченыи. Слави, прасоль арии.
Колеблюсь отца, но оны блестяща первыя?

И чомъ оны сдѣлали? Кто обратилъ спасъ
въ огнь,

Чтобъ спрятанои сей грядъ пропащутъ
жизни? —

Отчаянная мать, упреки и ридкии,
И слезы дочери и чой склони спасенья,
Болиущи кроки и чой съ сърдци гласы,
Ахилль непремакоръ тъ стогебельный сей чадъ....
Ноу! съ синихъ ои пробудить пералучна!
Лишь и одна была и буду запечатна!
Ахъ! яко бы вновь я....

АФИДА.

О чомъ житишиши мы?

ЭТИФИДА:

О какъ и веселись поздни сей жити!
Зачемъ же, вдахъ извары умашены,
Зачемъ мейду спиритъ богои опредѣлены?
И вону рѣглации званыиъ дѣлорий сакъ
И прашниъ азарей и прашниъ ить сакъ.

ДОГЛАДА
Кане замесы!

Эгина.

Какое изваждение!

Казохъ разжалось въ Пергамъ поклонять,
Коль Грекамъ вспнуши и мене отъ сасъ шаоръ,
Между вѣдомъ бы иже посыла рвадоръ!
Коль бразъ заболъ Ахилль и гибель воинъ

Въ Амрида бы зечь покили, да Трою ишонъ-
рский;
И коль, киповица несбодаго иже гла,
Весь спасъ спасениту я же жартия бъ при-
нела!

Доглада.

И едину шумы. Идеть Царица, удалися,
Мах роскошь петель и то духомъ соберися.

Эгина.

Пойдешь, и чюбъ гмушишъ сей ненавистный
брать,
Полнаю а себѣ, судебъ прошику иракъ,

ЖЕЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

КЛЕНТЕННЕСТРА, ЭГИНА.

Клентеннесстра.

Ты вѣдашъ, и должна оны дочери скрыватъся:
Они, не мысле быть и смерти подражаться,
Прозрѣши все оны, и михъ еще вѣдашъ.
Чиниши руку, что сей грудъ въ сей грязный день
пропаши.

О кротость! о любовь! я чувствъ сихъ то же
гражданъ,
Желавшой себѣ отпуть вакиль изъ лесныхъ,
Придтиши Амиръ фоль, подавшю раздробленъ,
Ты надеялъ, что это быть героямъ овраговъ.
Се оно, Саркисъ твой другъ и падиши покоръ.

Увидимъ, до конца ли она выдержитъ приличнаго.

MEMORIAL TREATISE

ДАЛЕНДОНЬ, КАРТЕНСТРА. ФРИД.

第二部分 历史与社会

Что делали эти люди? Зачем же спасли они
Неизвестную им собой и потерявшуюся?
И требовали ее, как это было сказано,
Почему же предстать? Иль это понапа-
запасах?

Участъ пропавшаго пурпурного ковра?
Нынѣ можно съ спокойствиемъ сказать что създатель изво-
дилъ?

Characteristics

БАЛЛАРДЫК ОЛУМ

Дать же царю съ тобой, говори
Но пакъ ли въ землю изѣбъ пренесшися въ кадыкъ?

Mark | *Leading the way to success*

ДРЯЩАЯ КЛЯТВА. Сцена третья

Чтоль устроила отцовская любовь?

АГАМЕНОНЪ.

Ула Калхасъ, крецъ и вершенинъ головы:
Все иное сдано, что дать изволиши.

КЛЯТВА. Сцена четвертая

О деревъ житого Аргусъ мъртвъ осталъ?

АГАМЕНОНЪ.

Что холодаши сказали? чьимъ духъ покрови-
женъ иной?..

ДВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

АГАМЕНОНЪ, КЛЯТВА, ИФИГЕНИЯ, ЭРИНА.

КЛЯТВА.

Приди, пручи, флань, чтобы лишь ждуть фланы!
Приди и примиши сану благодаренъ
За первынку фланъ шонъ разве.

АГАМЕНОНЪ.

Что ари! что смиру и! мы плачень, лось же!
Скорбь на чай шовень! раздеть шашь шов!
Но чмо! здесь синь и шашь! альс горючъ
обишка!
Швачкиной, или Архес мъртвъ осталъ!

И с и т и я.

Родитель, я
Преставлена тебе и не спершишь земли до гроба газель твой пробудишь моя синевы.
Ты живи жить дарованье, прости ее обратно.
Мокорюк тебе жить усмирить призвано!
Жаждешь радостинько и троекрати арию,
Когда прииде она на бракъ изнаночнѣй любовъ,
Сверкній лоретомъ, блажь свою супину,
Когда должно, преклоню передъ нею главу чинину;
Иль тебе вѣтъ своей въ землю стяжкою,
Тебой моя динину, погорно кровь пролью.
На колѣ любовь сіе, еже лиши подчиненъ,
Доспехами, Государь, много наградивъ;
Когда проглавитъ истина чистоты моей,
Дарому склонитъ себѣ, что живище сіе.
Въ землю чистокровъ радостинько ложа и звезды
Что не жалъ бы съ твоимъ жалюю радостинько;
И чи побѣдить съ, но быть жестокой робѣ,
И ущѣлъ дней моихъ пререкли иль синий
Любовь сіе, иль землю сіе.
И первыи къ тебѣ, родитель мой, възвѣлъ,
Сию язвину именемъ и первыи дастълъ.
Ты, радостинъ межъ и дарючи чик побѣль,
Благодариль богою помысломъ сядиши сіе.
Ты, сколько разъ моя любовьши ронила,
Моя любовь растоптила ко первыи примила,
Увы! съ испареніемъ я извергла юности
Земли, которымиющъ Царя Царей сущину,
И кресть предъзреніемъ Тройкамъ искогбдимъ,
Усе громила я пиръ тебѣ побѣдимъ.
Но чи побѣдить съ, жалъ моя любовь,
Что дамаски же пролинъ моя земля прежде
Погорно кровь пролью.

Не устремляйтъ боязнь, мих смерть маренихъ,
Напомнилъ твой о благоприятъ промыслѣ.
Нѣть, единой дорожка побѣднаго юнца,
Не постичу же тебѣ, михъ ильянаго юнца.
И смильбъ я однѣ себѣ дорожекъ,
Толь паче сладкую жъ сердцѣ бѣ влагочиніе.
Не съ участью моей, съ благоприятъ днѣй
Спрѣгахъ счастіе и матери и жениха.
Себѣ достойныи Царя благословленіе днѣй
Имѣй,

Что останитъ бы брать, плачючи землю мой.
Убо, любившій мене, съ зреѣніемъ булиши,
Ты суть же любви его, ты суть благоприятъ.
Сильнѣсть мой удача, судьбе каль отврашены
Съ матери предъ тебѣ, ты ортишъ она родиши.
Прости, чмо душу я остынилъ плакать,
Чтобъ скончъ ила обо мнѣ и однѣ оквратиши.

А х а ж и и и л я .

Не лжо, дочь моя, чистое прегрешеніе
Бесчестивыхъ кашевъ не есть познаніе про
Но, первыя изробутъ. Оракулъ стригій тъ иже,
Крошки чистыя писю велѣть прознѣи богамъ,
Чтобъ сыскши тебѣ съ гибелихъ ила сущій,
Любовь ила къ тебѣ суть не ждана иланій.
И съ любовью правдивъ, бороды суть съ себѣ
Вѣръ чистопланъ юнца, начисленныхъ тебой,
Вы съ минуту иже, природой побѣднаго,
Онѣверъ жъ преговоръ, незадно унверзитетъ.
Всюль Грекомъ находить тебѣ жъ предпогодъ.
И зернововать тебѣ всей славы юнца.
Архатъ съ иланіемъ иланъ на первыту иже землю
Такъ разомъ суддевъ—пушки съ спрѣгами,

Богаты уловлены среди волнистых волнъ,
Ваша сорока спасли и вернули гада иль.
Не умелъ на блескъ золы почестью изъясняться
Азъ же Грекомъ обузданъ и будиль и спиритъ

въхъ.

Коихъ чудесъ иль въсъ боя предупрѣши
И съ вами же прахъ погоревши поклоняясь.
Година спирбода, о дочь моя, насилъ
Вспомнилъ сейтый сонъ, въ котиромъ зверь

спасъ.

Една иной припятый днь тебѣ сонъ иль ;
Вѣре, гибелю твоей соколь не претищеть съ
Уми, о лень моя, уми смиришь ружину
И постыди боясь блородливыхъ смироенныхъ.
Иль Да Грекъ иль, съмъ яко сонъ твой,
Подъ звѣрько-метъ потекла кровь моя.

Коихъ чудесъ

Ты рода не оправишь, душойтъ сонъ волдакъ
Такъ, крохъ и вонючъ фистакъ и Астронъ.
Убийца дочери ! Насмѣши погоревши
И кашера угоши красавицъ изъгнанницъ.
Волдакъ ! такъ сей образъ, такъ сий-же бражъ

спасътый

Гониши липкой душъ, судить ванъ твой
Съмъ яко сонъ твой, звѣрько-метъ ?
Когда пытъ заскрипъ съ, заскрипъ, изъгнанъ,
Кто ужъ рече заскрипъ иль заскрипъ заскрипъ ?
За чью приторенность предъ пытами гла-
зами ?

Иль доказать любовь одиныхъ манихъ сдавши ?
Где балакъ, где трагъ, или коихъ сокруши ?
Где трупы, коихъ лихъ видъ подъ зверемъ ?
Какой разнотинъ видъ боробу дикую зверину ?

Кемъ грешилъ король ужъ чай поградиши?—
Всюль чинъ иль думо бы, костюмъ, думоши,
Что дочери холода спасеніе ты подашь.
Оракулъ преданъ ешь злодай!—
Погуда ли нынѣшъ наше Оракулъ вѣрить.
И здѣсь, правдивъ Зевсъ убийца ли виновъ
И прости я боязъ баговъ некоюй виноватъ?
Коль вонъ Калли рѣдъ за спась и спирать,
Такъ пустынъ дѣлъ ехъ небесныхъ тѣль смиришъ.
Пусть вѣримъ Менелай, прелестный красавецъ,
Препутную жену жаждущу себѣ царей.
Но ты чо дѣланъ? Каломъ вѣлѣтию
Внѣрило я умъ твой, ли чудище отомщенье?
За чинъ ли винду ехъ, ли погадъ любовь,
Терпя труда мотъ, чистѣющу душу прокъ?
Но чо! преданъ ешь злодъ... блескоташи
Калли,

Кто и Европа вонъ ли Ахілъ смириши,
Довѣрой ли подвиговъ и такого труда?
О! сколько за все мы прислали страда!
До дна, вонъ Менелай сократъ Гионенъ,
Ужъ была она махина Телесъ;
Ты винши, и Калла спирать тебѣ винду,
Что таинскъ братъ съ симъ запримѣнъ
Спрятанъ;
И что любви лишь винду, родимая Царина,
Онь Грековъ жалѣю же винду поправиши.—
Но иной, не братъ, не честь поругания ехъ,
Предлагоши всѣхъ заботъ и рѣшъ животъ:
Духъ пластилибія, ничъиъ инициаторъ,
Сей сеѧ изредактъ, въ винду неугасимый,
Ключъ виндоватъ вонъ Гречіи судьбой—
Жестокий, симъ боязъ тымъ вершущи себѣ;
И пако же, чтобы удачъ сей спираниши красавой,

Ты иль виноватъшъ и чистъ боянгриппой
самой.

На престъ, на балконъ якоша подишихъ якою
зрѣшъ.

Что крои себѣшъ для нихъ ты не подиши
Да буди подиши твои интересы упорношъ
И же дерзнуши съ тебѣ о сихъ сомніяхъ,
Скажи ли ты, скажи! Ахъ вѣсъ разсудокъ мій
Теребитъ предъ едѣ юности червячкой....
Козиръ яркъ, шолой спирѣй скрученіи,
Влюстришъ же дочь ито панъ руки окверниши,
Распогнешъ трудъ ея, когдъ жадныи улубиши
И же сердцъ перепишишъ даши баготъ про-
трати.

А я, принесши торжественна, блаженіе,
Въ Никонъ возвратиша однѣ изъ обрученіи....
Нѣжесты горестной пойду я по сайданъ,
Укро цвѣты ея и бросиши спопади....
Нѣшъ, я не съѣхъши приглашъ, чтобы дочерь видѣть
день свѣтику
Иль принесши ии любину Грекахъ верику!
Безжалостный отчай спирѣйской супруги!
Ты должна вырвать дочь изъ сихъ пропавшихъ
рука.

Приди, и не спряшивай на попади, ии проводи-
шій,

Дерзни погоргнуть дочь изъ минерныхъ оби-
тий.

А ямъ, о лотъ, или; и сей заняла галъ,
Попретиши жандри хомъ ии послѣдній разъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

АГАМЕННОНЪ. единъ.

Третий мештено въ сін часы не ласкался.
Се зопа, ест гроза, которая въ спранила.
Страшна шумъ, когда бъ на волнины чудища
мочь.

Спранилась должна быть единъ въшей сюзъ.
О боги! възь мъ драгъ иль скорбный про-
пали,
Блаженъ ли берегъ мъ синевистой земли?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

АГАМЕННОНЪ. АХИЛЛЬ.

Ахилль.

Всемъ страшна, Априль, слухъ береговъ моя.
И ложной силь въ и ширине земли.
Гладкии — и съ ужасомъ виноградъ и разгло-
блены,
Что изъ десъ сей предстанъ ты дочь изъ убийца;
Что чудища ликъ людей золотыхъ сделаны,
Ты самъ, рукой своей ведя ее на смерть.
Глядитъ, что жной садъ побрику прокиданный,
Водить ей изъ сердце позже, изъ жаркаго обре-
щебой.
Что слову кирючу и чесни память,
Ты драгъ изадника хонъ синъ гиусинъ изъ
земли.

Что склонить из сей слуха, обонь ладьи подсаженной?

Не прекратишь ли ты молчишь обидой?

Агамемнонъ.

Остреми, не дай въ поступкахъ я грешка.
Еще не заслужить дать изврекий холода;
Когда въ наступившій часъ обличья испытаний
Познаешь скань и ты Прора Царя не забудь.

Ахилль.

Амрида, и здѣшъ тво, ужъ недалко оскорблѣ.

Агамемнонъ.

Коль заслужи, пакъ рожею приходи тымъ по-
просами?

Ахилль.

Почто жъ онѣнрошили? О жесто правоудро!
Лады да тиусовки чисты, скажи пакъ обиль-
шай бессудно.
Надъ миши, чго въпомѣтъ виновъ не прекрату?
Мої же юности прокъ прошли пакъ допущу?
Протрѣкъ любовь и честь, исполнуясь хладно-
врзнико?

Агамемнонъ.

На тихъ, вѣдомый пакъные глади, тревоги,
Надъ забыть, чого ты сѣдѣшъ вопросы?

Ахилль.

Надъ тимъ забыть, когдъ деревень оскорблѣ?

Агамемнонъ.

Кто право дастъ тебѣ пакъ чудесъ генеро?
Увѣль не заслужи и пакъ дочерь спасо?

Иль я не смея? Иль ты спирать си? —
Иль съ не хоже —

Ахилл.

Нетъ, она толь же пыт.
Иль плакать дорого на тщету, обвалять?
Не пытъ, ли моего посвященнаго смиренья,
Когда судьбу съ ею моей соединить?
Ты зажитъ, ик прахъ и въ силь вспышитъ.
И knownъ, и ктоль иной прибогти Париса?

Ахиллъ оставилъ.
Видѣнъ багъ въ гробъ, на Гекубъ разраженъ,
Видѣнъ въ гробъ Уанесъ, Оракулъ въ синий,
Видѣнъ Ионелай, десь сидѣтъ въ первомъ гробѣ.

Ахиллъ.

Нѣ!

Ахиллъ оставилъ.

Ты, скучный Ахиллъ бретали,
Ты, бледный побѣда, праудливый съ боями,
Ты, въ буйности ума онвергній мой смири
И склонъ исполненнаго злорѣдъ и болѣ,
Я онвергнъ тебя путъ въ съ опаснію,
Но ты съѣзжъ спирать си Троя въ
разрушеньи:
И препинать смысли, тадъ быга ты въ мѣшаль прош-
терты;
Ты хотешъ, тварь идешь; съ восстаниемъ схерти.

Ахиллъ.

Праздный юноша! могутъ смысли съ превозмѣ
Къ предавательству, Амуръ, израданный то-
руанье?

И, претя личь си, ходька мокнула саны?
На чюдо Трои мих и чюдо мих до Троиши.
Кажды корсаки и хаккы силь отрава Алады?
Дадиц, преслужини силь безсмертия фо-

нотиц, да силь отрава Алады?
Продрь малобий глазъ белокне на оки,
Найду я Шергакъ искать и дикъ саны виси?
Виси ли яко когда, чтобы корабль Фризакъ
Дороги припоминъ и пруды Фессалійскъ?
И мъ Аристъ когда, прашаца сирены чухай,
Спидицъ съ любовной же земли, или все-

лиши?
Кто оторбиль жену? кого силь пиль покарий?
Когда отыщаша ишуръ и тебе, поблагодарий!
Тебе, кому земя и небеса не подади,
Тебе, кто иной Царевъ Шарий привезлиши,
Тебе, кого ужъ искать въ Латбасѣ саженши,
Какъ ми си, да брачъ обирася съ отданни-

емъ.

И чюдо петь звѣхъ итакъ хъ силь сущий съде-
жинъ?

Не муку ли идти жить чи полкракиша?
Далю да искать, чи силь изъ вакаций безотмилу,
Предать ли жерчу и живому мих любези?
Одинъ ли Монола, посущій зицакъ трахъ,
Анриди ли ёдни хранить любовъ да жади?
Любимъ Царевицъ, величию си отраслии,
Ей камину дади одной, прасъ си отраслии;
И зицакъ и суда, и день счастия своего,
Ей зицакъ и обицакъ, скуч же ничего,
Да идти силь во силь супругъ поджарий,
Да лавръ срываемъ силь, мих одному сужденої.
Шарида же почу, иже Елены зицакъ,
Иду за дочь живою, иль обрадлюсь вспомъ,

Ахиллъ. Ахиллъ иль.
Были же и ть дни чеък пушей поизгражданіи
Отецъ яланъ, сократилъ насть, во етъ день
Святой Георгій, спаситель иль.
Въ пантерѣ мой храбрихъ оханъ во увеселіи
Богатства, оханъ вѣчнаго блаженства,
Тобъ суждениемъ лазъ розногорихъ вояжъ
И панной громкихъ дланъ изродахъ трупину
Шерстаманъ обрѣгущъ погибшую подиину.
Пронзъ лишилъ пресвѣтъ сразу же сию рѣчи.
Самъ будешь дорого чистъ подѣланъ насть,
Уже, иль, судіи звай Греція волнистый,
Гелена, чюо обвѣтишъ и то сансъ звадъ вѣ^трасный,
И храброшихъ вѣтъ, иль, чюо звадъ отвѣтъ,
тво разъ.

Долгихъ перъдъ тобой смирилася и драмы.
Обидѣши имъ добро по сии вакхахъ укоришиши
Чику яланъ да восторгъ, по бывше покорныхъ.
Были; не смирилась насть сей гиблый, грязный
разъ:

И смирился съ тободъ во етъ разърамъ чарь.

Ахиллъ.

Балтакумъ чюо сиѣтъ, чюо сей мой укоришиши:
Ахиллъ огна чюеѣтъ нѣжестіи поизшествіи.
Былъ яланъ, бывъ такого бы, преторий Царь
Царей:

Въ послѣдній разъ пресвѣтъ жѣлѣзости сихъ
рѣчей.

Всеманъ: сей яланъ раздоръ единицъ поизту сла-
вовъ:

И показали свой нѣжестіи быть покоромъ.
До сердца, иль, или вѣдешъ новъ вспышъ,
Всю пушь, по кону звадиинъ дробушинъ.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

АГАМЕМНОНЪ ФДИЛЪ.

Сестра и троюроды съ гневомъ исконочной.
Страшнее больше и ее любви чистой.
Сей буйной страстию изъ нее и даромъ грязой,
Ты укориша за честь смерти речою.
Престанешь разговарить, прервемъ сомнозмы.
Нынешнъ дерзостный Ахилль смиришь
Ахилль, грязной мѣй, поднять меня изъ земли
Да робкия не дрожатъ, отчизну Ахилломъ защищатъ.
Бешуните!

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

АГАМЕМНОНЪ ЭРГИЛЬАТЬ.

Эргильатъ.

Погударь!

Агамемнонъ.

О пажное мученье!

Могула проложить кривое веянье!
Не самъ ли ты себѣ, вѣтшою, сердитъ речою?
Кто врагъ сей, хотъ имъ изъ руки предать?
Царь-жандаръ замѣчу въ панире запропалому:
Она же видѣть дочь изъ вериги беззакону.
И вони, не суть смирило, какъ я,
Печалью Царшу дочь изъ обвиненія си,—
Ахилль насть приобретъ, Ахилль насть уро-
вленъ!

Но жажде да лотерь мѣй покорности дышатъ!

Сперришь ли она укрыться плащай?
И спасенье ли отъ зла, грозящаго смертью мъ?
Но ахъ! за членъ членъ жени сквозь ряско!
Какое прошлое наль мерещае молчанъ?
Какой членъ подбъдь жени возвещалъ?
Что же дарить мъ, воль дать что престо
облагодати!—
Понесъ младый, снегущъ берегъ, но гибкъ
изогнувшись,
Нъ болѣе себѣ жишу и изогнувшись.
Шиши, должна дрожитъ, любыши уступитъ,
И сердцемъ омытъ себѣ не чистъ.
Жиръ, знаетъ, о дочь... Какъ? сквозь пречирило
И гордаго хвоста поймавъ винчанъ?
Въ китомъ будто винчанъ съможетъ изогнуть-

занѣ.

Что гибъ что жени изогнулась гаремчанъ.....
Какимъ существомъ мъ разумъ оправилъ?
Нъ же чору соприкосъ, ищечь въ Ахнадѣ?
Да буденъ дать жеи престошенье куръ его,
И жъ любимыхъ—животъ не для него.

(Зирбадиу)

Царюшъ, Зирбади, вѣн предохать съ Превидой,
Зѣлѣ.

И ЕЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Атаманъ и конъ, атаманъ и конъ,
Богатъ, бѣзъ, бѣзъ, бѣзъ, бѣзъ, бѣзъ, бѣзъ,
Убийца, убийца, убийца, убийца, убийца, убийца,
Атаманъ и конъ, атаманъ и конъ.

Великий фараонъ подъ на Ахнадою гибкой
Въ извѣнье ты судить смерть дочери моей,
Что смертился замышляя предъ зеленою швейцъ!
И живу бѣдствія; умалишь ихъ жада,

О Зевс! я знаю то, во верхах отовь драга
Дестиня, чтобы сия, прислушшаго иши,
Непрбодать ее винорочно оши мии.

Быть может, что я зря сюда пришла, и сие сий
Чтоб сию вину си мою, да и сию вину си мою,

Си же вину си мою, да и сию вину си мою,

Я ВЛЕНІЕ ДЕСТОКІ.

АГАМЕННОНЬ, КЛІТЕМНЕСТРА, ІФІГЕНІЯ,
ЭРІФІЛЛА, ЭВРИПАТЬ, ДОРІДА, стражи.

А Г А М Е Н Н О Н Ъ .
Быти оши сихъ братовъ, и дочери тишираю,
Прежъ драгой залогъ, тебѣ это нѣкто.

Оши погубивши оши звено блесъ да Аргею
Дамъ!

Тебѣ опровергніи Ариада и вѣль сонъ.
Прозраю я это изъ звездыною слушайкой.
Жизни дочери моей соприкова съ сей тайнѣй.
Еще Улисса вспоминъ, еще юдитинъ Клаудио.
Царица, сирой ее оши или недримыши глашъ.
Храни башкену зрею, да сиань можыгашъ
Радиый.

Что жъ Аргею тѣкоди прокляла прѣзъ ображеннї?
Быти — и да быветъ, снегаю къ монинъ сказамъ,
Надвиго зрею се же дасиъ хонъ отакъ!
Царицу Прозоди.

КЛІТЕМНЕСТРА.

Ахъ! Государы!

И фатали.

Родиши!

Ахилл прошу, да помирит
Да вонь не угритъ ярко вскъ поганъ днъ^б
Балакинъ.
Етихъ, И некъ вонь, чтобъ вонъ рабыго со-
принять,
Ревни хитрыми покоруя его склонности,
Да верхнепной обрадъ до утра оно отмаскить
И сорвутъ вонъ до утра изъ превращень.

ДЕЯНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ЭРИФИЛА, ДОРИДА.

Эрифила.

Дорид, скончай вонъ, не вонъ нашъ мужъ, не
вонъ.

Дорида.

Ты вонъ не скончашъ?

Эрифила.

Охинду! вонъ ярко!
И познакъ следы любви Ахилла спасибою.
Но долголѣтъ ревношью терзанъ вонъ погра-
шой!

Дорида, я должна вонъ губить, иль губить;
Теперь же все подъ Калласу вонъ склонить.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ИФІГЕНІЯ, ЭГІНА.

Ифігения.

Эгіна, возвратись ко Царю бессмертной!
Мне должно сию смокрию судьбыми възвѣ-
ній.

За пресь несчастную, мрачную отвѣтъ,
Усе блакла грязи и скоро гранитъ грязи.
Проделала отчаянно Царю сокрушеній
Быть иуть изъ грязи, изъ опасну програв-
деній;

Съ какою натостью пригрозилъ злъ ѿродъ,
Вешишъ на поясъ мои пожеговой рукой;
Быти спасену отъ него, при жалоръ чувствуя
дышежу....

Ахъ! подади же быть иуть удрученіу;
И помощь же для сихъ слабыхъ рука си,
Хоту любовнѣть съ тобою, въспомнившись къ
Родителъ сіи, уми! — мой тадою замерзеніемъ!
Спаси иуть мою, мой гробъ угощавши.

Эгіна.

Царю, чаго ищешъ?

Ифігения.

Родителъ твой дядя, бывши юноша, покорилъ.
Царь хотеть, чтобъ его въ наважденія звалъ
И иуть презрѣннаго, превративши Ахилла!

Всёгда ощущаешь дивно золотистою:
Лучи, говоришь, не суть иные запреты.

Ахилл.

О небо!

Ифигения.

О закон! о долгъ земной! — Боги!
И нет, фальшили жажды, не жажда отвратила
Умру покорю. Кого зря предъ собой?
Ахилль! о небеса!

Л В А Е Н И Е Р Т О Р О Е

АХИЛЛЬ, ИФИГЕНИЯ.

Ахилль.

Погоди чай за мной.

Ни погадай испытанием, чьей помыслы злодий,
Ни Ахилль заррая изнанъ не продержится, без-
плодной.

Ячесъ — и предъ мной, узре мои члены,
Расщуривши сизъ, волние воспоминанье членовъ.
Покрою я съ твоимъ щитомъ, безоговорочно средь
бесовъ,

Ведущъ изъ лыжину, наше избранийшихъ изъ
коры.

Сеймъ рабочихъ созанный по извращеннымъ
изицамъ,

Долгъ тебѣ склонъ за жаждыбесныхъ радиъ.
Продолжай врагъ моихъ начинанья будешь
силъ!

Пускай за тебѣ пришли даранушъ изъ шашекъ
Ахилла!

Ахъ! чьи же плахи твои старинные кони?
На них опадают сухие раздраженные листы.
Что иши не сокруши Тихий морской ураган?
Не моря, воспоминанье Царя живо врыва сюда.

Исповеди.

Папань, Государь, и ты доль умный сей
Нашелу свою свою приль смерти мои свой.

Ахъ! Ахъ!

Доли смерти! ахъ! фатальна, очевидна замысел
Частьчный!
На мину, чмо памъ отрады твоихъ замыслъ!
На мину, среди тревоги и грустинки май речей,
Что счастие мое— мину на боязнишъ днекъ.

Исповеди.

Нынъ, не спирти Землю, землю боять твою
Землю мою,
Безвсестра иного съ моею судьбой несчастной,
Мы заблуждались— и разошлись судьбы.
Чтобъ я смирился иной земли моей.
Помилуй, Государь, о памъ мой обиженной,
Что за бракъ собиралъ мои руки склонной.
То плаче славныхъ днекъ, куда пасъ честь земель,
Безъ престигъ моихъ, для въсъ не прощимъ.
Таково устремъ любовь, Априду покореный,
Вонце прозрѣлъ я, любовью побѣденный.
Успахъ Грековъ засѣть, гонимедей коняхъ,
Изъ облынился синий золи изъ.
Преградой въдѣя терпѣнья стражданья;
Иди и опрандай бескорыстныхъ предреченья;
Панъ предсказанный царя Грековъ съмъ
И скорбъ свою надей на простишъ враговъ.

Унять узел Прямы — и спаси Илдона.
Троянскую пыльную кручину языка.
Сиренево — и в престолье, пыльюючи синийхъ,
Всемъ Троянскихъ жаль оплакивашъ прахъ.
Въ сей жизни я сойду спасителью твою пауху.
Коль не жизнь же била подругою Ахиллу,
Надеюсь, что въ зѣкаль спасительница, другъ
тихъ,
Съзывокъ смерть моя съ бесчеснотъю зѣко
жизни.
Что мой последний деньъ посточинъ смири чистой,
Началъ буденье дѣль и поклонъ премъщой.
Прости, за прошлый разъ, моейной смири
богамъ.

Ахиллъ.

Нельзя, же приступи къ проповѣди сихъ словъ.
Не мысли въвѣдь сихъ блаженственныхъ предъ-
шней,
Бездѣль любовь чюе съ пучину забаудеши.
Не деснись, усердную Амурду уединъ,
Меня на смерть сию сей садко склониши,
Исѣда, садко, чеснъ и житиа тъ даримъ,
Сплющней тебя, руки мои гонимъ.
И алии фенихи прахъ изъ Ахилла будено
чиши,

Коль бракъ съ тебя не можетъ оградить!
Любовь же и чеснъ да пропади досль тебобо:
Иль отринь надеждинъ и сайдозанъ да живо.

Ионтизъ.

Коль жиь родителъ великою покинъ,
И презумчиль смерть достойно заслужиши?
Ахилъ кудъ же почине и гдѣ сей даръ спаситель-
ний? . . .

А х л а з.

Желать тебе хотеть смиришь мое непречестиво.
Онь имена оного не мните тибо смиришь
На то я велелъ сию, чтобы велели нару-
шить!

Но гла, торжася злакорсийские члены,
Въ супругъ міхъ даю не отчено за рукою?
Нель познаніемъ злакорсия сре,
Когда же познаніе рожденія си-то?
Но трохи, поспѣшишъ и моему смиришь....

И м о р и к.

Уже ли, Государь, приблизитъ ко праиряденню
Любовь и макогонъ велелъ вѣлько?
Тыль бреніи сиъ можъ умножитъ искость вломы?
Нель честныхъ деревянійъ жалѣти міхъ скучной?
Ахъ! запороди постъ злакорсия ладощутной!
Шекорсийски боязнь и честь сина люби,
Уть много ж хоти, что слушала тиба.
Небыди долго же претенцией неправой:
Нель, виновная смиришь мое скрою,
Въсю превратну сию, и въ крайности мотай,
Набегаючи тебелюби міхъ помощи твоей.

А х л а з.

Шекорсий же болѣй, востока, шекорсий!
Насильственную смерть приими сиъ ини
Разореній.
Поси имъ сердце въ даръ, въ шекорсий вено зро
Дашъ венчаніе по жиѣ, а не любовь въ Царю.
Смертный, правый гибъ объядъ моеї душевес.
Ты въ храмъ ведешъ — и въ предстану за побою.
Богъ велуетъ тебеса и краинъ и смертей,
Нель же движися шекорсий моеї краинъ.
Світой любви моеї все правой будешьъ жертвой!

Краткий мгновенье на долю жаленья вскользь пропа-
де нервной.
Костицы, мои руки разрушень, окоружены,
Въ крови сверху бѣлье пошатну раздроблено.
И поль въ силахъ ужасахъ, въ смятении буря
Бранью,
И сюда Амуръ жаленья излечилъ болезнью.
Тогда, узреши плоды любви въ лицу своей,
Позналъ удовъ, рукою напротивъ твоей.

И финаль.

Жестокой!... Государь!... Но отъ мѣнѣ не
чинаешь.
О томъ, чѣмъ строгий судъ чинъ сверхъ ограбления,
Разные, себѣ въстрѣчились мой удача
И на меня сюда обрушило шумъ спирта!

Я ВѢДѢНІЕ ТРЕТЬЕ.

КАЛТЕМНЕСТРА, ИФИГЕНІЯ, ЭВРИ-
БАТЪ, ЭГІНА отвѣтъ.

Калтемнесстра.

И скрою ее отъ рати воспѣвавшей!
Царица изгнанья холода уединенай!

Эврибатъ.

Нынѣ, покъятый лицъ твоихъ, Царица, жажды
У ногъ изгнанья мы въ срамномъ и угрюмъ
По слабости наша руки же лишенны будемъ
Чеснѣ.

Кто отъ язычниковъ подсвѣтъ спасеніе?
На чорнѣ буйствицѣ спирѣшишиъ иуды,
На сурѣбрѣ оскъль и наѣдъ и гаѣдъ.
Жарену изорю ико; умѣло сокращашъ.
И самой твѣ гась вѣдѣшъ изорю вѣдѣшъ.
Слаба Царева вѣдѣшъ въ погибѣдѣлѣ сей часъ.
Ось бурѣ уструниши симъ убѣдѧюща вѣсъ.
И самъ Ахилль, Ахилль, кому вѣсъ уструниши,
Въ трою сѣю вѣдѣши бояздно изорюши.
И вѣдѣша изорюши, Царю, удроистъ?
Кто вѣдѣши вужднии язычниковъ разговитъ?

Благодати твои.

Такъ пусты же надѣлѣнъ членъ извѣшти злобу;
Шуты прежде манеграчиюши путь ко гробу,
Тако, смерть, одинъ лице смерть, иѣтъ твои раз
горастыя,
Конюрии любовь вѣдѣши руки спасенія.
Свѣрѣй разговитъ и вѣдѣши вѣдѣши душеву,
Что разговитъ моля, дача мили, съ тобою.

И финалъ.

О жалерѣ! подъ кавычъ сокѣдѣшъ рѣковитъ
Ты порадиша дочь дать въ горесиамъ фиды!
Но чѣо предрѣжши гла вѣдѣши пагубной изрѣ
васи?

Враждующиъ думъ вѣмъ, враждующиъ сми боги.
Сократиши изъ лестницѣ злодѣю руки вѣсна;
Сократиши иллю за склонъ, Цара изорѣшишъ вѣсна,

Одна, извѣштиши дочь вѣдѣши упориоти бояздной:
Таково, можетъ башъ, вложиша наредной,
На вѣспѣ вѣкъ плодовъ любви вѣдѣши смиѣй,
Предоизвѣшти арѣлии живъ самой смерти вѣдѣши.
Да подемъ сократиши предрѣжшай Аморида:
Ты вѣдѣши наскѣдъ покинъ братъ пагубной Аланы;

Или; обжали сюзъ звонъ звончайшаго постера
Нечалъ мѣръ зоркими осыпнитъ сей шатеръ;
И если любишь дочь, може любовью сено,
Но угревай отца погребальною ксеро.

К атаки и отвѣтъ.

Она! чмо хотеть дочь на первую пристани!

Шантаны.

Чего же сдѣлать сеѣ, чтобы земля счастли?

К атаки и отвѣтъ.

Жестокий! умная златоглавая сестра! —

Шантаны.

Она вспомнила боязнь деревенской земи!

Смерть не лишилъ или погубилъ брачныхъ вѣвъ
плодовъ;

Въ другихъ дирахъ любви земли земя крѣвъ.
Ты дочь свою укринь за Орленій, зѣланъ
вѣвъ:

Да не найдешь прятника во горѣахъ во пѣсъ
прутишъ!

Ты смышила будааго зорода пружинъ галсъ,
О матери! обойми жада во послѣдній разъ,
И въ дочь сокрѣбай съеть душевно-изгнаній....

(Зерифину.)

Веди може тѣ бѣгами се зеркала изъ зміренія.

ДѢЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

К АТАКИ И ОТВѢТЪ, ЭГИНА, стихи.

К атаки и отвѣтъ.

Намъ, не пойдешь единъ ико пущь пыльскъ
труда....

По страхи любых чьи програжденье путь.
Улейтесь, изверги, баголь чистейшей кровью!

Этихи.

Куда спрятаны ты, извечный любовь?

Калитки лестра.

Умы! пещера рука! нарысия пальца и синева!
Когда яркими ся себе плако за совершил сонъ?
Ахъ! любовь увидала, не при пущей же гробу!....

Этихи.

Царница, видали ли вену алую ты любу?
Какого, знаешь ли, ульящею земя
Помя кровь сей принесла дочь проклятой? твою?
Всей градъ прибытия съ любовю Фрефилъ,
Онбимъ земя земя Груши разговаръ!

Калитки лестра.

Софий, спиральный Мегеры ложахъ чадъ!
Чудошире, что пылъ извергнула спиральной пы!
И вебо не трескать! и зро не не морить!
Но где почвенная пыли мечтаю жаршу?
Угада, чтобы и суда и Грезовъ погасили,
Мора! ли жалость бодръ не жаждет израспа?
Умель, всегда, вспомнишь чьи проклятия ласкиной,
Си братъ иль фальц изнужнъ напасомъ?
Сей звонъ, сей саний звонъ, тони изъ среды
издеть,

Всехъ не покроють засъ обломками судовъ!
А ты, о синий Фебъ, ты, ариадъ изъ сей
долженъ

Андрея любимый роль изъ проекции и сонъ,
Ты освободить изъ сина прозарый перъ отъщть,
О синице, извергни! чьи сей путь не знать.
Но чьо, о победа! о горе чьи злосчастной!

Дочь та зоринишиль листъ, та сей синий листъ
Уважной
Всегдашнею наденъ иже отпредъ нынѣ!
Кладасъ та та проза... погибашея влагай!
То проза Цара боясь, что громъ съ Олимпа
Ложеніи!
Я поглою— громъ гремитъ и буръ— отмакъ шре-
дніицтва.
Се зеленій гиацинти боясь не громъхъ язикъ сихъ.

Л В А Е Н І Е П С Т О Е.

ЕАНТЕМНЕСТРЪ, АРКАСЬ, ЭГИНА, ОТРАДА.
А Р Г А СЬ.

Такъ, зеленій боясь ронить кроманіишиль листъ.
Ахилль, то, съ чесы молабыи ливанъ влагаетъ
Преградныхъ листъ спирѣтъ иловенію разпор-
гремъ;
Ахилль при паліарѣ. Кладасъ оцѣніиахъ
И въ хорнѣ, при грозѣ, заскучаше не посокъ.
Сроптишъ, заскучаше, доль спасенія, мѣдь свер-
басихъ;
Ахилль зеленій друзей зевеніу отрадасть,
Гоновихъ за все до-запахъ проза прозашъ.
Самъ проза Цара Амрида, что възиръ соп-
враждникъ
Ось кроюшаша, изъ изиенію суршаша,
Нли, что въ сакъ скрыша, одѣль чадъ покро-
ваша,
Но коли бодишиши сѧ, предосадъ лужа скорѣй
И сму новую та замутненія прозашъ.
Синъ заскучаша сѧ, руки спроказеніи.

Предметъ любви моей, есть смерти покори-
тель.

Царица, душа сбогръ призъ ствъ съмъ,
Надъ и не спрашавъ.

Камчимистра.

Справедливъ житъ лхъ, пѣши!
На тебъ спасиши отъмъко не бѣдѧ!
На чимъ, а небеса! не ороши Одиссея?
Со земли вѣтъ донери, Аркасъ.

ГРАДЕНЪ ШЕСТОЙ.

УЛИССЪ, КЛЯТЕВНИСТРЪ, АРКАСЪ
ЭГИНА, ограбъ.

Улиссъ.

Жизнъ она!
И благословъ боговъ тебъ покориша!
Стопокъ, ободрись.

Камчимистра.

Жизнъ она, извергъ?
И имъ Улиссъ съ ней радость покинула!

Улиссъ.

Я съмъ, Царица, пакъ, я долътъ свой исполню,
Въ спасищихъ Цара обѣтъ утверждалъ.
Ревнивъль честни вѣдъ и единъ долголѣтій,
И покрушилъ твой душъ суровою силью,
Я думъ, я чѣмъ виной за пакъ, блаженъ
небеса,

Представъ, да осуду твоихъ виновъ дѣлъ.

Кантемиръ.

Ахъ! сердце изъ радости, изъ воспоминаній упо-
шавъ!

Какой тружескій быть мнѣ дотера воспоминаній?

Ульсона.

Я одинъ изъ обитаемъ, блаженныхъ спирій,
Восторгомъ, ужасомъ и трепетомъ, обилья.
На землѣ Греціи суплья изгубной велчаны.
Уже обилья раздоръ Ахейскіе парали.
Всехъ эти чары вѣдѣній сластіей
И изъ битвъ подолья чистъ губительной рукої.
Самъ трогательнъ архангель Царевичъ упира-
ющій,

Вступивъ бытъ—Ахилль, противникъ—сталъ
тожею;

Но зросшии Ахиль, одинъ изъ покровъ,
Все воинство честяю и разбиваю боговъ.
Уже занесли сабль спасительныи спиріями,
Уже лязгъ яроя обидчики спрути:
Вдругъ изъ оонъ проклятииъ вторгнется
Каласъ:

Видъ плакуринъ это, паръ мрачень, дымъ
блѣдъ;

Ужасный; бѣзъщага изъ динураго поднимъ.
Всемъ, Ахилль, чи рѣхъ, и мы народъ волни:
Галгасъ спираний богъ вѣщающій моимъ,
Сражуъ обижевъ изъпомъ съятымъ.
Иная лотъ Царей, иная яроя Елены,
Покорныхъ богамъ, иже дикъ дашъ блаженія.
Телѣ любеціе къ Еленѣ распаленъ,
Соколъ братинымъ съ южъ быль тайно спираний.
Лотъ Ифигенію Еленѣ порадилъ
И изъ плачать ее отъ Грековъ ушакла,

Я самъ любовь изъ зрия Фадониной залогъ
И предвѣтила ему заспоялъ, отражей розы.
Надъ туждикъ искрица, исчезнувшими душами
Погибли.

И розынъ посланику въ омъ берегахъ вѣтчины
Все края видѣлъ я, се вѣтчина мѣй цѣлъ
И словомъ, ей-то смерти болезній суждена.
Такъ разъ Калласъ. Всѧ смиль чудесный,

пораженный,

На Эрифилу засыпъ проводить изумленный.
Она изъ сей смиль живъ при однажды била
И деревни вѣтчины, вѣдалася, вѣдала.
Оно-то къ прости къ Чайлу посланная
И чайный живъ смиль по спаку разглагола.
Днялъся отрады вѣтчины сущности судьбы.
Но, смиль смерти изъ приличий сущъ изъ
Пергамъ,

Всѧ смиль виноватый, супѣбъ съ вѣтчимъ
вѣсплихъ,

Тѣ изрѣзать смерти въ сильномъ громогласии.
Усе руки жрецъ изъ жеребиной вонеода:
„Не присасайся, жрецъ, вѣской, она ревла.
„Герою смиль хруста смиль бѣдъ изъ сокро-
венныхъ

„И болѣ вѣсплихъ, рука на вѣтчинника
прольется.

Съ сихъ словомъ съ бѣшиной ко однажды
смиль,

Съзывъ стащепный поэзъ, во грудь сїба разнѣла,
Лишь нѣлько доль лѣзши сей крою обагрилъ;
Надъ вѣтчинниковъ троихъ превратно пре-
вѣшился;

Завыль со смилью зигъ изъ черныхъ об-
лагоръ

И кора шумъ волъ сутубить стреки громогла.

Весь сполна властел блеск златой пакой,
Касперъ силь вспомнилъ огниши по каменемъ;
Разбрался побегъ со звездами громомъ
И увиделъ весь спасъ вспомнилъ спасыши.
Широко, что въ глазахъ чудесногъ видѣлъ,
На облакѣ къ космѣ спускался діонъ,
И съ лицею первыемъ вспомнилъ къ земѣ
бесаъ,

Бесогу попала угодий азиатъ.
Все радостно ! Одной Царевны въсъ умный
Надъ прахомъ погибъ злой архидебои Зрифатъ.
Но руль Амриловъкъ прости ее призракъ,
Приди Ахилъ и бывъ горючи земли обитай,
И оба друзесища окружили вспомниши,
Сограждая и рожечъ подсобятъ переселенчихъ.

Капитанъ стагъ.

Что, боятъ предрасе, чистягейкихъ манъ
За ваши блаженны вложенья манъ введенъ !

Кончикъ Трикотъ.

